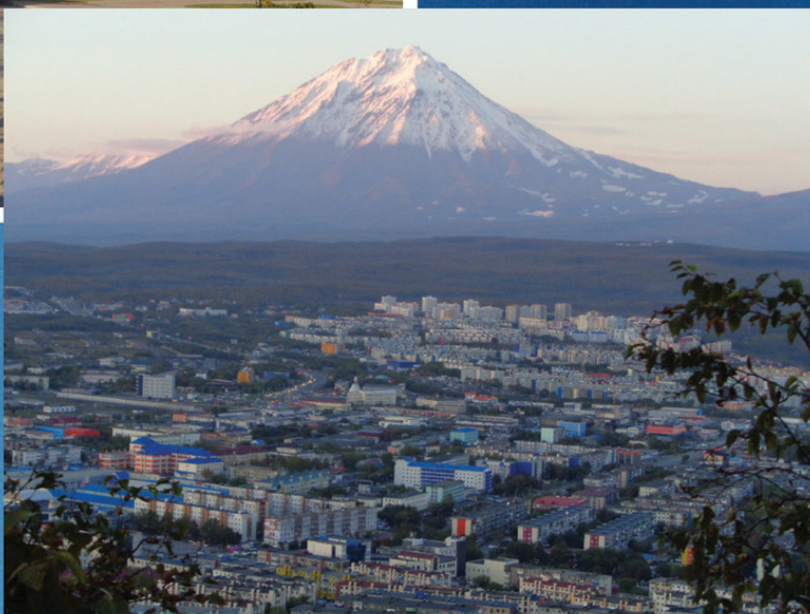
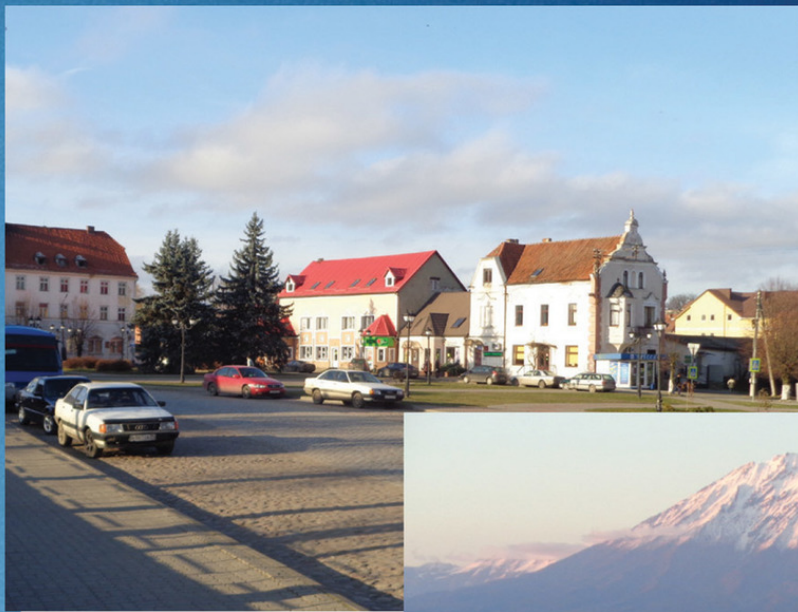

ЛЕВ МАЧУЛИН

ОТ КАМЧАТКИ ДО КАЛИНИНГРАДА

Москва 2020

Лев Мачулин

От Камчатки до Калининграда

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мачулин Л.

От Камчатки до Калининграда / Л. Мачулин — «Издательство
«Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-299-2

«От Камчатки до Калининграда» – сборник документально-публицистических повестей и очерков, посвященных путешествиям по различным регионам России. Является третьим в запланированной серии сборников схожей тематики. Книга иллюстрирована оригинальными фотографиями, написана сочным, образным языком, с присущим автору чувством юмора. Предназначена для широкого круга читателей, проявляющих интерес к окружающему миру.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-299-2

© Мачулин Л., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

«Наш путь лежал строго на Север...»	6
От автора	9
О горах и не только	10
Нам салютуют Хибины	10
Предисловие	10
Поехали!	12
«Кровоостанавливающий порошок» Мальцева	13
А разве здесь есть горы?	16
«Кемска волост»	17
Нам салютуют Хибины!	18
В начале славных дел	23
Откол, или мое посвящение в «значки»	26
Соло в Лавинном кулуаре	29
Зигзаг удачи	36
Чистая среда	39
На завершающем этапе	43
Послесловие	46
Полярный Урал (апрель-май 1998). Дневник похода в район горы Пайер[12]	47
Записки тяжелораненого	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Лев Мачулин

От Камчатки до Калининграда

© Мачулин Л. В., 2020

Об авторе: Лев Мачулин проживает в г. Ухте, по образованию химик-технолог, 15 лет руководил заводской лабораторией, в настоящее время – старший научный сотрудник НИИ. Победитель литературного конкурса «Факел-2011», член Союза писателей России, член Русского географического общества, кандидат технических наук.

«Наш путь лежал строго на Север...» Предисловие к книге Л. Мачулина «От Камчатки до Калининграда»

Книга о путешествиях по России в создавшейся в последнее время ситуации приобрела особую актуальность: соотечественники, желающие отправиться в путь, теперь все чаще выбирают маршруты внутри родной страны.

Символика названия книги дает понять, что путешественник, писатель, инженер-химик, кандидат технических наук Лев Мачулин побывал во многих уголках России и фактически пересек ее территорию из конца в конец с запада на восток. Но гимн он поёт, прежде всего, Северу. Что объяснимо: ведь сам автор – северянин. Ставший привычным для него жанр «иронической семейной географии», с юмором описывавший отдых за границей, сменяется здесь документальными повестями и путевыми очерками, где фигурируют куда более суровые вещи – альпинистские восхождения, морские буровые платформы, ветры Тихого океана. Причем в них автор и его спутники довольно много «ходят пешком», что роднит их с путешественниками прошлого. Большинство горных походов, о которых рассказал Мачулин – сложные маршруты, подтверждающие спортивные разряды альпинистов, требующие серьезной физической подготовки. Да, это тяжело, не всегда безопасно (имеются в книге и печальные страницы), но внимательный читатель имеет все шансы найти здесь ответ на вопрос, что заставляет людей покорять горные вершины в районах Заполярья. И, возможно, последовать по стопам автора.

Книга содержит любопытные подробности организации экзотического быта путешественников, полезные советы о том, как установить палатку, построить защитную стенку от ветра и, вообще, выжить, оказавшись один на один с Крайним Севером.

Часто и к месту автор выходит за рамки документального повествования, немало страниц книги отведено словесной живописи, запечатлевшей фантастическую красоту северной природы и особенно тех мест, на которые удалось взглянуть с высоты горных вершин: величественная панорама озера Малый Вудъявр, скалы Вудъяврчорра, «залитая солнцем ослепительная белизна». Автор замечает и описывает уникальные явления северной природы – «белую мглу», «обратный след». Он рассказал, что такое «хибинская изморозь», встретившаяся на вершине Тахтарвумчорра («красивая бахрома из длинных, до десяти сантиметров, нитей инея»), рассказал, как выглядят «хрустальные» голубые фонтаны.

Звучит как музыка перечисление северных топонимов: озера Имандра и Умбозеро, горные массивы Вудъяврчорр и Тахтарвум-чорр; поселки и города Емца, Маленга, Кемь, Кукисвумчорр, Сей-да, Лабытнанги, Нырдовоменшор, Рыбница, Талый, Каджером, Чикшино, Кожва, Печора, Сыня, Косью, Кожим, Инта, Кочмес, Абезь, Сивая Маска, Пернашор, Ошвор, Сейда, Чум, Хановей, Юнь-Яга, Воркута.

Отдельная глава книги – «Дневник похода» на высочайшую вершину Полярного Урала, гору Пайер. Дневник издается в первозданном виде, и передает эмоциональность и энергетику похода альпинистов.

Повесть «Нырдовоменшор. Возвращение к себе» посвящена проблеме «психологического слома», более известного у мужчин под названием «кризиса среднего возраста». К этим событиям автор подошел уже в совершенно новых для него обстоятельствах: во время похода на Приполярный Урал в 1999 году с ним случилась беда, о которой в книге сказано очень скупое: в результате перелома он однажды вернулся из похода на носилках. Через несколько месяцев сложная операция поставила его на ноги, но прежней физической формы было уже не вернуть.

И все-таки через год он снова отправился на Полярный Урал, в ущелье Нырдовоменшор, и продолжал ходить в горы, пока не ощутил некий предел. Автор передает сложные пережи-

вания человека, который совершил запланированное восхождение, но не мог испытать «безудержного ликования», потому что «зверски вымотался», а «покорение» горы потребовало «несоразмерно много сил». А перед глазами, «занимая полнеба, возвышалась вершина Динозавра», – горы, на которую он спокойно поднимался до того, как получил травму.

Как только читатель, завороженный картинами северной природы, решит, что книга продиктована желанием автора поделиться впечатлениями об экзотических красотах Заполярья, так его настигнет неожиданное открытие. Выяснится, что главная тема книги – реквием по умирающим и обезлюдившим северным городам и поселкам, которые совсем недавно были полны жизни.

Л. Мачулин не понаслышке знает, что освоение Севера велось руками заключенных. Однако самые поэтичные страницы второй части книги посвящены вольной «девушке с красивым именем» Эллина, которая в 1955 году приехала со Ставрополя в Воркуту по комсомольской путевке. Девушке, которая впоследствии, сменив шахтерскую каску с лампочкой на ушанку лесозаготовителя, закончила лесотехническую академию и стала матерью автора.

Л. Мачулин совершенно прав, утверждая, что принудительный труд людей, попавших на Север не по собственной воле, не переставал быть героическим. Поэтому так больно видеть заброшенный железнодорожный вокзал в Кировске, руины Полярного и Сейды, мертвый поселок Хальмер-Ю, разрушенные районы Воркуты – горестные приметы стремительного уничтожения результатов труда нескольких поколений советских людей, посвятивших жизнь освоению Севера.

Сквозной сюжет книги Л. Мачулина складывается не только из описаний путешествий автора по родной стране, но включает и рассказ о его работе. Развиваясь по нарастающей, он достигает кульминации в главе, посвященной нефтедобывающей платформе «Приразломная». Л. Мачулин подробно описал устройство уникального сооружения, куда он был приглашен как специалист в области химического анализа. Рассказ о «Приразломной» подтвердил способность автора «пахать, как лошадь», но это не помешало ему почувствовать: «из всех мест приложения моих рук и мозгов «Приразломная» – самое необычное и самое впечатляющее».

Рассказ этот открыл, что является делом жизни автора книги. Работа на платформе потребовала от рассказчика тех качеств, которые были сформированы за годы работы на Севере: аскетизм, физическая выносливость и способность преодолевать трудности.

Оптимизмом наполнена завершающая часть трилогии, давшая название всей книге. Сахалин и Камчатка в буквальном смысле пришлось автору по вкусу – «сахалинская» часть содержит любопытную информацию о местном деликатесе, свежей красной икре; не менее «вкусно» подан вид на Петропавловск-Камчатский и окружающие его вулканы. Хотя москвичам за строку И. Бродского «лучший вид на этот город, если сесть в бомбардировщик» (очевидно, автор намекал именно на нее) может быть немного обидно.

Две повести в книге не посвящены ни Северу, ни Дальнему Востоку. «Та Русь» рассказывает о небольшом городке в Калужской области, Тарусе – излюбленном месте поэтов, писателей и художников. «Русская Европа» повествует о самом западном регионе России, Калининградской области. С последней у автора, как он выразился, «личные счета» – там в 1945 году погиб его дед.

«От Камчатки до Калининграда» – не просто увлекательное и познавательное описание страны. Эта книга является одновременно портретом поколения, чьи особые черты раскрывает автор. Одна из них – тревога за судьбу Родины. А еще – творческое начало и свобода от той неутолимой жажды потребления, которая сегодня для многих является единственным смыслом существования.

Малыгина Нина Михайловна -

доктор филологических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,

*почетный работник высшего образования РФ,
член Союза журналистов РФ.*

24 июля 2020 г.

От автора

Дорогой читатель!

Сразу хочу предупредить, что писатель я не настоящий, вернее – не профессиональный, хотя и состою в известном творческом союзе – точно так же, как не были профессиональными писателями зоолог Даррел и ветеринар Хэрриот. У меня есть любимое дело, которому я долго учился и которому храню верность всю жизнь. Я не умею выдумывать заковыристые сюжеты и даже толком приукрашивать невыдуманное. Возможно, именно за это кто-нибудь когда-нибудь скажет мне спасибо. И – раз уж вы взяли в руки эту книгу – не исключено, что этим «кем-нибудь» станете именно вы.

*Искренне ваш,
Лев Мачулин*

О горах и не только

*«Два дня сидим в полярных кабаках,
Горланим песни, попиваем спирт,
Два дня не экономим табака,
И на вокзалах деревянных спим...»*

(Арик Крупп, «Северная-2»)

Нам салютуют Хибины

*Моему другу Сергею Мальцеву в знак благодарности за все
причиненное мне добро*

Предисловие

Вроде совсем недавно все это было, ан глядь – уже шесть лет пролетело. Тогда казалось – оно и дальше так пойдет, все еще впереди... И только теперь начинаешь понимать, что на самом-то деле те времена, когда каждый твой год воистину шел за два, похоже, окончательно канули в Лету, а воспоминания о них, в силу естественного хода событий, грозят так и остаться едва ли не самыми яркими в твоей жизни, пусть даже она пока еще и достаточно далека от своего логического завершения. Несмотря на то, что и тогда, весной 1996 года, ничего экстраординарного, по большому счету, не произошло. Просто четверо молодых людей приятно провели время на свежем воздухе.

Человеческая память несовершенна. Факт в целом прискорбный, хотя следует оговориться, что не всегда. Взять, к примеру, 1999 год, в котором удача улыбалась мне даже в мень-

шей степени, чем известному своей хронической невезучестью герою итальянских комедий синьору Фантоцци. Лично я ничего не имею против того, чтобы забыть к чертовой матери все перипетии того злополучного похода и последовавшие вслед за тем события – да простят меня прочие их невольные участники, некоторые из которых проявили тогда по моей милости поистине чудеса физической выносливости и стойкости духа. Сам же я тогда долгие месяцы был обречен вести сугубо лежащий образ жизни, квартиру мою обворовали, а моя правая нога в конечном итоге оказалась так напшигованной металлом, что я с тех пор упорно «звеню» в аэропортах с особо чувствительной «рамкой». И рад бы забыть все это, да где там!

Как назло, потихоньку стираются из памяти именно те – пусть даже не очень значительные, но приятные и забавные – моменты, воспоминания о которых могли бы придать особый колорит и даже некоторую изысканность твоему скромному жизненному багажу. Досадно, если в один прекрасный день ты, в кои веки временно наплевав на рутину будней, примешься благоговейно ворошить этот самый багаж собственного прошлого, и вдруг с удивлением обнаружишь, что жизнь вроде как идет, а вспомнить-то тебе особенно и нечего! Школа, армия, или, допустим, институт; потом работа, жена, дети... Все как у всех, никакой «изюминки»! А ведь были, были эти изюминки – но что-то из этого ты сам в свое время не оценил, посчитал несущественным, что-то оказалось замазанным более поздними и менее приятными событиями. Это как в живописи – на любую, даже самую темную картину, вроде ночного пейзажа, расходуется гораздо больше белил, чем черной краски. А в результате – сплошная чернота. Вот так-то. Откуда уж тут взяться здоровому оптимизму по отношению к будущему, когда у тебя создается полное впечатление, что даже лучшие годы – и те прошли (а они прошли ребятки, объективно прошли!), оставив за собой какое-то форменное болото! И хорошо еще, если найдется друг, который, хлопнув тебя по плечу, как-нибудь воскликнет: «А помнишь?..» И ты при этом не примешься, кивая головой и глупо улыбаясь, мучительно перебирать в голове: «Да неужели? И когда ж такое было?». Не ценим, не ценим мы приятных мелочей... Вот и приходится порой спасать их от забвения, выдергивая на бумагу из потаенных закоулков памяти. Может быть, кто-нибудь мне за это и спасибо скажет? Не в гордом же одиночестве я переживал эти славные мгновения!

Повторяю, рассказ здесь пойдет о самом заурядном выезде в горы, не принесших каких-то особенных лавров его участникам, но необъяснимым образом оставившем у всех них исключительно теплые воспоминания. Это был тот счастливый случай, когда человеку повезло оказаться в хорошем месте в хорошее время, да к тому же в на редкость хорошей компании. Уверю вас, это не такое уж распространенное сочетание! И еще одно обстоятельство: этот выезд, как ни один другой, постоянно сопровождался какими-то милыми забавными курьезами, так украшающими любой поход – конечно, при условии их «недоведения до греха». Стиль официального отчета, разумеется, не оставил бы для них места, а именно эти мелочи мне было бы особенно жалко рано или поздно запамятовать. Поэтому жанр предлагаемого вашему вниманию произведения будет иным, чем-то вроде документального репортажа с лирическими отступлениями – будем считать, что одно из них вы только что одолели. С того похода не осталось почти никаких записей, кроме отметок о восхождениях в наших альпинистских книжках, но, как вы быстро поймете, на восхождениях там свет клином не сошелся, было много чего интересного и помимо них-так вот, это-то «много чего» мне придется воспроизводить по памяти, несовершенной, как уже указывалось выше. Впрочем, степень ее несовершенства могут проверить лишь три человека. Не так уж много, однако. Ну, и фотографии, конечно придут на помощь. Итак, поехали!

Поехали!

Идея сломать в ту весну привычное расписание походов (март – Приполярный Урал, май – Полярный) и почтить своим присутствием Хибинские горы пришла в голову Сергею Мальцеву неспроста. Помимо объяснимого желания сменить обстановку, здесь лежал и вполне шкурный интерес. Дело в том, что глава мурманских альпинистов Олег Иванович Шумилов буквально за год до этого подсуетился классифицировать в Хибинах сразу несколько вполне приличных маршрутов восхождений (вплоть до 4Б категории трудности!), что давало реальную возможность всем альпинистам северо-запада нашей необъятной Родины подтянуть свои спортивные разряды, не организуя длительных и дорогостоящих экспедиций в горы Кавказа и Средней Азии, как это практиковалось ранее.

К тому же, назвать эти регионы вполне безопасными для приезжих в последнее время можно было лишь с большой натяжкой.

Другое дело – Хибины! При всем том, что лежат эти горы за Полярным кругом, назвать этот район «медвежьим углом» язык не поворачивается. Вполне божеский для своих широт климат, относительно развитая инфраструктура, неплохие горнолыжные трассы... Питерцы вообще считают Хибины своей законной вотчиной. Еще бы: сел вечером на поезд – а в обед ты уже на месте! И при этом никаких тебе наглых погранцов, алчных таможенников и импульсивных «джигитов», порой так достающих туристов и альпинистов на южных маршрутах. Но то – Питер. Наш же путь туда был не в пример дольше и занятнее – впрочем, об этом чуть позже.

Кстати, о нас. Всего желающих отправиться в Мурманскую область набралось четыре человека, причем всем нам, как на подбор, тогда шел тогда тридцатый год от роду. Идейным вдохновителем мероприятия был вышеупомянутый Сергей Мальцев, в ту пору пока еще второразрядник по альпинизму. Работая руководителем детской секции альпинизма и скалолазания (за что друзья, в подражание детишкам, издевательски величали его Сергеем Леонидовичем), он горел естественным желанием поднять свой авторитет, заработав себе, наконец, 1-й разряд. Такое же объяснимое желание было и у Паши Некрасова, преподавателя физики и заведующего отделением лесотехнического техникума – единственного из всей компании, имевшего опыт восхождения даже на «семитысячники» (за год до того он поднялся на пик Ленина в Памире). В отличие от них, третий второразрядник в нашей компании, Шура Туманов, предприниматель, директор малого предприятия, особенных спортивных задач перед собой не ставил, намереваясь просто со вкусом отдохнуть, и, тряхнув стариной, пройти пару-тройку относительно несложных маршрутов. Кстати он, как и Мальцев, уже имел опыт похода в Хибины, совершенного еще в бытность ленинградским студентом. Ну, и, наконец, автор этих строк, тогда еще только начинавший свою карьеру начальника лаборатории на газоперерабатывающем заводе – совершеннейший «чайник» в альпинизме с минимальным опытом простеньких восхождений, не имевший в то время даже пресловутого «значка», а не то, что спортивного разряда.

Итак, выезд из Ухты был запланирован на утро 17 марта. Изначально предполагалось доехать поездом № 175 Воркута – Москва в южном направлении до станции Коноша I, а там пересестись на поезд Вологда – Мурманск, на котором ехать уже на Север до станции Апатиты. Этот простой и логичный план сразу же полетел в тартарары по причине... банального отсутствия в кассе билетов на поезд. И чего я отговорил Мальцева купить их заранее? Правда, никто из нас не ожидал подобного подвоха от железнодорожников задолго до начала сезона отпусков – но в итоге наше стремление сэкономить на комиссионных сборах несколько тысяч, так сказать, «неденоминированных» рублей привело к тому, что поезд № 175 уехал, а мы в глубокой задумчивости остались сидеть на ухтинском вокзале. Задуматься было от чего. Положение усугублялось еще и тем, что скорый поезд № 21 того же сообщения, который должен был идти

следом с интервалом примерно в полчаса, как выяснилось, ходил теперь только *по четным числам*. То есть не сегодня. Вот вам и причина отсутствия билетов!

Ну, и что было делать? Переносить отъезд на следующий день? А пока ехать восвояси – после всех этих сборов-проводов?! Ну уж нет! После непродолжительного совещания решаем все же двигаться вперед: на перекладных, на чем угодно... Что там у нас ближайшее на юг? Местный, Печора – Сыктывкар? Вот на нем и поедem! Вечером будем на станции Микунь – это все-таки почти 250 километров в нужном направлении. А там разберемся! Так началось наше увлекательное путешествие по железной дороге, включившее в себя три ночевки и пять пересадок...

Шестичасовая поездка до Микуня ничем примечательным не ознаменовалась. Прибыв туда примерно в семь вечера, мы со всем бараклом разместились на вокзале. Вообще вокзал на станции Микунь довольно уютный, несмотря на то, что после реконструкции, в ходе которой у него заложили кирпичом остекленный фасад и надстроили двускатную крышу, он и стал смахивать снаружи на большой кирпичный барак. Сразу выяснилось, что до утра нам ловить здесь нечего. Да и утром сразу удастся доехать максимум до Котласа. Ладно, хоть так... А пока следовало побеспокоиться насчет ужина.

Город Микунь представляет собой несколько кварталов четырёх-пятиэтажных «хрущёвских» кирпичных домов, обрамленных тоже не слишком-то обширным частным сектором. Население его в основном трудится на железной дороге, а поскольку этот вид транспорта довольно консервативен по своей сути, то нет ничего удивительного в том, что и сам город выглядит как бы законсервированным. Во всяком случае, никаких сколь-нибудь выдающихся новостроек там я не наблюдал за все годы, сколько езжу мимо – за исключением, разумеется, той самой реконструкции вокзала. Единственный известный мне большой продовольственный магазин находился неподалеку, но надо было поторопиться, поскольку работал он только до восьми вечера. Затарились хлебом, колбасой, кильками в томате, кое-чем к чаю, ну, и бутылочка портвейна украсила наш нехитрый ужин. Происходи все на обратном пути, Сергей Леонидович Мальцев непременно затеял бы готовку горячего, дожигая в примусе чудом сохранившиеся остатки бензина. Что там вокзал, когда он, случалось, и в тамбуре поезда проделывал подобные манипуляции с легкостью необычайной! Но Серега мудро предпочел не тратить драгоценное топливо в самом начале пути. Ничего, под портвешок и сухой паек пошел за милую душу.

Как и любой мало-мальски крупный вокзал, вокзал в Микуне оказался не самым идеальным местом для ночевки. Но худо-бедно покемарить все-таки удалось. И лыжи не сперли. Попытка же Шуры Туманова «вписаться» к каким-то своим микуньским дальним родственникам оказалась безрезультатной – тех попросту не оказалось дома. Да и не влезли бы мы все к ним в квартиру.

«Кровоостанавливающий порошок» Мальцева

Поезд Сыктывкар – Котлас, на котором мы, наконец, покинули пределы Республики Коми и переместились в соседнюю Архангельскую область, отправлялся из Микуня ранним утром. Был он неестественно длинен для своего местного калибра (целая дюжина вагонов) и на диво безлюден. С комфортом расположившись в одном из пустующих «купе» нашего общего вагона и расстелив на них спальники, мы с лихвой компенсировали недостаток сна, так что в Котлас приехали свежими и отдохнувшими. Вдобавок здесь нам откровенно повезло с оказией: буквально через пару часов отсюда отправлялся поезд Котлас – Архангельск, что было очень кстати. Словом, пока все шло неплохо. Разве что Шура Туманов каким-то образом ухитрился стереть себе руку и теперь молча страдал от образовавшейся на месте содранной мозоли язвочки. В общем, времени было в обрез, но не сидеть же эти два часа безвылазно на вокзале!

И мы с Сергеем Леонидовичем, оставив Пашу и Шуру караулить вещи, направились исследовать район, прилегающий к вокзалу.

Котлас – это вам, конечно, не Микунь. И история побогаче, и население побольше. Церковь, опять же, симпатичная. Но и тут складывалось впечатление, что звездный час города давно миновал. И вновь, думается, по причине его заикленности на обслуживание предприятий транспорта. А этим сейчас, как показывает практика, сыт не будешь. Когда-то, во времена существования самостоятельной Печорской железной дороги, здесь располагалось ее Управление, что придавало городу известный лоск. Большой, «сталинской» архитектуры, вокзал на станции Котлас-Южный был возведен именно в те славные времена. Но ПЖД, объединившись с Северной железной дорогой, давно канула в Лету, теперь же даже отделение дороги находится не в Котласе, а в соседнем Сольвычегодске... Что же касается речного транспорта, то нынче с него, похоже, и вовсе нет никакого навару. Да и сама Северная Двина, протекающая в буквально двухстах метрах от вокзала, год от года все больше мелеет и, несмотря на свою почти километровую ширину, далеко не каждое лето бывает здесь по-нормальному судоходной. Впадающая в Двину чуть ниже города Вычегда доставляет речникам меньше хлопот, поэтому в ее нижнем течении, в микрорайоне Лименда, до сих пор работает старый судостроительный завод, клепающий катера и понтоны. Удивительно, но на плаву он, подобно своей продукции, как-то держится. Продукцию местного пивзавода мне случалось пробовать неоднократно, и не скажу, чтобы она приводила меня в дикий восторг. Впрочем, может быть, за эти годы там кое-что и изменилось – научились же, наконец, варить пиво в городе Саранске, а ведь мне тоже когда-то казалось, что этого не произойдет никогда! Есть еще крупный Котласский целлюлозно-бумажный комбинат, но и тот на самом деле находится в городе Корьяжме, в 30 км от Котласа, и что-то непохоже, чтобы он серьезно облагодетельствовал город, давший ему название...

Погоды меж тем стояли прекрасные. Фланируя по городу, мы с Сергеем Леонидовичем зашли сперва на бездействующий до открытия навигации речной вокзал (неподалеку от него года через три начнут возведение здорovenного автомобильного моста через Двину; сейчас он уже практически готов), полюбовались на местную церковь (думаю, не единственную в городе), заглянули в магазин спорттоваров, где наше внимание привлекли призывно блестящие новенькие «маунтбайки» всего-то за полтора миллиона тогда еще неденоминированных рублей. После чего ноги привели нас к порогу аптеки. В принципе, мы вполне могли бы пройти и мимо, но – не прошли. Так начался, пожалуй, самый комичный эпизод всей нашей поездки...

Вообще-то, по части медикаментов и перевязочных материалов мы были экипированы совсем неплохо. Помимо всего прочего, нам повезло раздобыть даже несколько ампул не для всех доступного обезболивающего. Но мало ли чего интересного (и даже реликтового) может оказаться на прилавках наших провинциальных аптеках? Вот и здесь Мальцеву, кажется, повезло.

– Лев, смотри! – жарко зашептал он мне в ухо, тыча пальцем в одну из полок, – Кровоостанавливающий порошок! Надо купить!

– Что еще за фигня такая?

Сергей Леонидович принялся сбивчиво объяснять прелести означенного средства. С его слов выходило, что сей препарат следовало сыпать прямо на раны, отчего они-де перестают кровоточить и вообще быстро заживают.

– Ну-ну... Что же я про него никогда не слышал?

– А это новое!

– Небось, просто дезинфицирующее средство какое-нибудь, вроде фурацилина? – скептически пожал я плечами.

– Давай, давай! Ты что? Надо брать! Кровоостанавливающий порошок! – нетерпеливо тербил меня Мальцев, присовокупляя, что новинка фармакологии – как раз то, что наверняка избавит от мучений нашего страдальца Шуру Туманова. Это, конечно, был веский аргумент...

Сам я, даром что считался в нашей команде продвинутым по части медицины, по старинке отдавал предпочтение бактерицидному лейкопластырю, бинтам и йодной настойке. Но если последние веяния велят сыпать на рану какой-то там порошок...

Получив мое «добро», Сергей Леонидович приобрел заветный порошок и, чувствуя законную гордость за общественно-полезный поступок, отошел от прилавка. Чудо-снадобье представляло собой плотный ламинированный пакетик, наполненный чем-то сыпучим. Правда, название средства было достаточно нейтральным и свою «кровоостанавливающую» сущность вроде бы никак не подтверждало. Инструкцию же по его применению, написанную мелким шрифтом, я второпях читать не стал – зачем, если Мальцев знает! К злоключениям этого порошка, достойным пера Джерома К. Джерома, мы будем возвращаться еще не раз, а пока – еще несколько слов о наших последних минутах пребывания в славном городе Котласе.

Итак, до отправления поезда оставалось примерно полчаса, до начала посадки в него, как вы понимаете – и того меньше, но мне вдруг чертовски захотелось посетить ту часть города, которая располагалась за железной дорогой. Поэтому все практически все последующие перемещения были проделаны в ритме бойкого галопа. Та «зажелезнодорожная» часть Котласа, которую я успел осмотреть, перейдя станционные пути по пешеходному мосту, была выстроена чуть ли не до революции. Во всяком случае, дома выше двух этажей там отсутствовали, как класс – вид, может быть, и городской, но не вполне. Однако и деревней этот район тоже назвать было никак нельзя. Все это, скорее, напоминало какой-то маловразумительный символ торжества учения о смычке города и деревни.

Здесь мне неожиданно повезло. Затариваясь в одном из продмагов прохладительными напитками в дорогу, я приобрел полуторалитровую бутылку какой-то газировки, которая, как выяснилось впоследствии, на вкус была почти точь-в-точь, как приснопамятный напиток «Байкал» (приснопамятный, потому что нынешние напитки с этим названием ничего общего с оригинальным «Байкалом» не имеют). Ну вот, а я еще ругал местный пивзавод...

Посадка на поезд прошла без каких-либо эксцессов. Не успел он отойти от перрона, как Мальцев выказал желание попользоваться Шуру Туманова своим новомодным препаратом. «Сейчас... – бормотал он, извлекая из кармана заветную пачку «кровоостанавливающего порошка», – Посыпем этим на твою руку, и все тут же заживет!» Шура был, в принципе, не против того, чтобы избавиться, наконец, от своей надоевшей болячки, хотя ему, как здравомыслящему человеку, подобная чудодейственность и показалась несколько подозрительной. Так или иначе, но прежде чем подставлять конечность под целительное снадобье, он решил для начала все-таки ознакомиться с инструкцией по его применению.

Этим он поистине спас своего друга от совершения уголовно наказуемого деяния. Во всяком случае, чем дальше они с Пашей вникали в содержание надписей на пачке, тем больше округлялись их глаза. О, да! Сей «медикамент», пожалуй, и в самом деле мог бы остановить кровь кому угодно, причем раз и навсегда: «разводить одну ложку на ведро воды... раствор применять в резиновых перчатках... перчатки после употребления выбросить...» Словом, Шура здорово рисковал, доверяя свое здоровье нашему доморощенному эскулапу – хваленый «кровоостанавливающий порошок» на деле оказался каким-то могучим средством для дезинфекции сортиров!

Осознав, чем его только что собирались «лечить», чудом уцелевший Туманов, под наш с Пашей ехидный смех, обрушил в адрес опешившего Сереги несколько достаточно справедливых упреков, с трудом удерживаясь при этом в рамках парламентских выражений. И то сказать – тут даже со слабеньким растворчиком следовало обращаться не иначе, как в резиновых перчатках, да и те после этого напрочь выходили из строя, а ведь ему-то собирались насыпать

неразведенного порошка, да еще прямо в открытую рану!... Такое еще можно было бы ожидать от какого-нибудь врача-эсэсовца типа Йозефа Менгеле, но от милейшего Сергея Леонидовича?! «О-хо-хо! – давясь от смеха, стонал я, в восторге хлопая себя ладонью по коленке, – Суров же ты, однако, Мальцев! Ну, откуда у тебя эта примитивная жестокость?» В ответ незадачливый лекарь только усмехался в бороду – сказать по существу ему было нечего...

А разве здесь есть горы?

Вот так, весело, начался третий этап нашего путешествия. Продлиться он должен был до станции Обозерская под Архангельском – это километров 600 от Котласа, откуда от основной магистрали отходила построенная в годы войны ветка, соединяющая Северную и Октябрьскую железные дороги. Ехать еще довольно долго, поэтому, от нечего делать, снова прошу у Мальцева карты (не игральные) и в очередной раз изучаю, куда это, собственно, понес нас черт. Итак, горная система Хибин находится за Полярным кругом, компактно занимая пространство в западной части Кольского полуострова между озерами Имандра и Умбозеро. Ближайшие города – Кировск и Апатиты (на одной из самопальных карт безграмотно обозванные «Аппати-тами»). Горы сравнительно невысокие (до 1200 м над уровнем моря), со сглаженными платообразными вершинами, но с довольно интересными, крутыми и даже скальными склонами. Топонимика преимущественно саамская. Нашей целью являлись массивы Вудъяврчорр и Тахтарвумчорр – все это сравнительно недалеко от Кировска, так что «турецких походов» не предвидится и можно будет целиком посвятить время восхождениям. Лишь бы с погодой повезло. Пока – тьфу-тьфу – видимость миллион на миллион, но это тут, на юге...

Как обычно, приятно разнообразили дорожный досуг мои с Шурой политические дискуссии, начинавшиеся обычно после употребления некоторого количества пива. Сам я, будучи человеком достаточно левых взглядов, не мог не схлестываться на эти темы с «капиталистом» Тумановым, а доза пенного напитка лишь прибавляла мне красноречия. В чью пользу заканчивались эти (вполне, впрочем, дружелюбные) дебаты – оставляю судить нашим благодарным слушателям, однако замечено, что спустя некоторое время Шура уже старательно избегал при мне заводить подобного рода разговоры.

Проехали Коношу. Здесь заканчивалось южное «плечо» нашего маршрута и, начиная с этого момента, наш путь лежал строго на север. Поезд прибыл на станцию Обозерская в четыре часа утра. Побросав лыжи и рюкзаки на лавки в пустующем зале ожидания, мы, естественно, ринулись к расписанию. Увы, здесь нас ждало разочарование – движение в нужном направлении оказалось достаточно редким и ждать предстояло аж до вечера. Ничего не оставалось делать, как, подремав немного, отправиться – благо, погода была великолепная – осматривать местные достопримечательности. Таковые, впрочем, так и не были нами обнаружены – поселок Обозерский, несмотря на гордое звание «городского типа», внешне выглядел, как большая деревня. Во всяком случае, единственный дом, архитектура которого показалась нам маломальски нетривиальной, вызвал острое желание сфотографироваться на его фоне. Забрели в продовольственный магазин. Неугомонный Мальцев ухитрился и здесь купить целую банку какого-то подозрительного порошка, оказавшегося, впрочем, всего лишь безобидной растворимой шипучкой, почему-то израильского производства. Побродив еще часок-другой по улицам поселка и посетив, помимо продовольственного, промтоварный и книжный магазины, мы вернулись на вокзал с целью подкрепиться. Вокзал здесь, кстати, тоже был деревянным, но довольно внушительных размеров: о двух (или даже трех, если считать просторную мансарду) этажах. Такая вокзальная архитектура, как я заметил, вообще весьма характерна для Архангельской и Вологодской областей.

Надо сказать, что слоняющиеся по поселку личности в капроновых штанах, бахилах и анораках ошутимо диссонировали с его патриархальным укладом. Кто мы такие и что здесь

делаем – так, наверное, никто толком и не понял. Хотя, кое-кто и пытался это выяснить. Например, продавщица в продмаге, которая, отпуская нам провизию, робко поинтересовалась: «А вы, наверное, туристы?» «Нет, мы альпинисты!» – возразил ей Паша, трепетно относящийся к подобным нюансам терминологии. На что молодая аборигенка с искренним удивлением произнесла фразу, до сих пор потрясающую меня своей чистой, незамутненной наивностью: «А что, разве у нас тут есть горы?!» О, это простодушное дитя природы было действительно поставлено нами в тупик. Ведь известно, что в радиусе нескольких сот километров от Обозерского не то, что гор – приличного холма не сыскать!

«Кемска волост»

Местный поезд Емца – Маленга состоявший из двух общих вагонов, запряженных в маневровый тепловозик (такого рода поезда Сергей Леонидович метко именовал «подкидышами»), неторопливо продвигался на запад, намереваясь обогнуть с юга Белое море. Переехали почти свободную ото льда из-за быстрого течения реку Онегу. Уже смеркалось, когда Мальцев вдруг сообщил нам, что в поселке Малошуйка, который мы должны были проезжать часов в 8 вечера, живут его родственники. Поскольку наш «подкидыш» должен был стоять там целых 40 минут, у него появлялась реальная возможность с ними встретиться.

По прибытии в Малошуйку мы с Мальцевым минут двадцать метались по станции в поисках телефона, каковой был, наконец, обнаружен в каком-то служебном помещении. О встрече с родней Серега договорился, но не в самой станции Малошуйка (туда они уже никак не поспевали), а на следующем полустанке, где наш кланяющийся каждому столбу «подкидыш» тоже должен был сделать остановку. И он ее так сделал, в результате чего после randevu с родней Мальцев вернулся с довольной улыбкой и – о, чудо! – трехлитровой банкой еще горячей картошки! Такая вот искорка неожиданной радости...

На станцию Маленга наш убогий экспресс притащился поздно вечером. Выйдя из вагона, я обнаружил прямо напротив нас маленький вокзальчик из белого кирпича, на плоской крыше которого возвышалась табличка, на которой, помимо названия станции на «великом и могучем», было с гордостью выведено латинскими буквами: MALENGA. Из чего я сделал вывод, что мы уже въехали на территорию суверенной Республики Карелия.

Однако посетить этот вокзал нам оказалось не судьба. К счастью для нас, «подкидыш» Емца – Маленга удачно стыковался здесь с еще одним поездом (столь же сиротского вида) Маленга – Кемь, так что уже через полчаса мы снова имели удовольствие слушать знакомый перестук. Тем не менее, даже кратковременное пребывание в Маленге принесло мне некоторую пользу: рядом с путями я подобрал в снегу прекрасную столовую ложку из нержавеющей стали, причем была она как две капли воды похожа на... мою собственную! На всякий случай, проверил «жор-набор» – нет, моя на месте! Так я неожиданно я стал обладателем двух абсолютно идентичных столовых приборов. Впрочем, один из них я через несколько лет снова где-то посеял...

Вагоны здесь были сидячего типа. Не успел я глазом моргнуть, как Пол Абдулыч (эту кличку Паша получил за некоторое сходство имени-отчества – он у нас по батюшке Альбертович – с именем-фамилией популярной в начале 90-х годов американской певицы) тут же уединился с какой-то девицей на соседнем кресле и принялся о чем-то нежно с ней ворковать. Учитывая то обстоятельство, что старина Полли был в те годы как-никак женат на моей родной сестрице, я счел возможным присоединиться к ним. Девушка оказалась и впрямь весьма симпатичной, каковое впечатление еще более усиливал вагонный полумрак. Сама она была из Костомукши, а сейчас ехала до Беломорска. Вот так, вдвоем, мы мило и протрепались почти всю дорогу, пока ей не настала пора выходить. Собственно, там же, в Беломорске, поначалу планировали выходить и мы, поскольку отсюда уже можно было пересесть на прямой мурман-

ский поезд, но в последний момент я отказался от этой мысли и решил малой скоростью проследовать до самой Кемь, чтобы ожидать мурманский поезд уже там. Предложение было принято на ура. «О, йа, йа! Кемска во-лост!» – с воодушевлением процитировал Шура Туманов фразу из известной кинокомедии. «Йа, йа! Кемска волост!!!» – наперебой заголосили с тем же идиотским акцентом Паша и Сергей Леонидович. Решение, таким образом, было принято единогласно.

Кемь, куда мы прибыли в начале пятого утра, встретила нас чувствительным предраассветным морозцем. Разместились, как водится, на вокзале, сдвинув по собственному разумению длинные скамейки. С билетами проблем не намечалось, и теперь оставалось только подождать несколько часов до ближайшего мурманского поезда. Однако эти несколько часов прошли весьма содержательно. Сначала в зал ожидания явилась некая помятая и не вполне трезвая личность, громко требовавшая денег одной из работниц вокзала. Получив в конце концов желаемое, помятая личность удалилась. Однако, спустя некоторое время, тот же гражданин снова появился на горизонте, на этот раз уже с бутылкой водки и, присоседившись к какому-то горемыке аналогичной наружности, шумно принялся употреблять ее содержимое на пару с ним. По мере улучшения его настроения уровень шума рос. В конце концов явился наряд милиции и увел нарушителя спокойствия в неизвестном направлении. Именно в неизвестном, поскольку, когда милиция уводит в направлении известном, оттуда так быстро не возвращаются. А тут наш «клиент» не позднее, чем через час снова нарисовался на вокзале и, хотя уже не орал больше во все горло, все же продолжал вести себя достаточно беспокойно. Что самое интересное – урезонивать его ни у кого из нас не было никакого желания. Скорее даже, мы прониклись к нему известным сочувствием. В наибольшей степени это, похоже, коснулось Сереги Мальцева. Он в это время как раз затеял перекладывать содержимое своего рюкзака, и тут ему снова на глаза попался пакет пресловутого «кровоостанавливающего порошка». Уж не знаю, какими соображениями Сергей Леонидович руководствовался на этот раз, но только он вдруг встал и, решительно подойдя к алкашу, без каких-либо объяснений вручил ему злополучный пакет, после чего с чувством выполненного долга вернулся на свое место. Логика этого поступка была настолько расплывчатой, что какое-то время мы с Пашей сидели на месте, тупо пытаясь сообразить – что это, собственно, на этот раз затеял наш друг? Как бы то ни было, для меня было совершенно очевидно, что средство для обеззараживания отхожих мест нужно было этому старому алконавту в еще меньшей степени, чем попу гармонь.

– Мальцев! Ты зачем отдал ему *это*? – спросил я, понизив голос.

– Так, это... А чего оно тут у меня лежит? Куда мне его теперь? – было мне ответом.

Ага, все ясно! Похоже, Сергей Леонидович решил избавиться от не пригодившейся вещи, служившей, к тому же, постоянным напоминанием о котласском конфузе. Но просто так выбросить ее было жалко, поэтому он решил кого-нибудь облагодетельствовать. Оно бы и ничего, да только объект для благоденствия был выбран крайне неподходящий.

– Ты что, Мальцев, с дуба рухнул? Он же этот порошок сейчас по пьяни разведет и выпьет! Пойди, забери обратно!

– Да не-е, неудобно...

– А если он помрет, удобно будет?!

Наконец, после довольно продолжительных уговоров, Сергей Леонидович, видимо понял, что смерть этого несчастного и впрямь может пасть тяжким грехом на его душу и, нехотя перелезши через сдвинутые скамейки, отправился изымать опасный подарок.

Нам салютуют Хибины!

О, неистребимые студенческие привычки! Мы уже давно (и сравнительно неплохо) зарабатывали на жизнь честным трудом, но все еще норовили сэкономить на чем угодно, предпо-

читая, в частности, по-спартански перемещаться по стране в общих вагонах. Но на этот раз номер не прошел – в скором поезде С-Пе-тербург – Мурманск общих вагонов не было вовсе. Ну, что ж, пришлось раскошелиться на плацкарт. Однако брать постельное белье – это было бы уже слишком! И мы, как обычно, раскатав по полкам спальники, сладко захрапели под перестук колес. До цели, как нам казалось, было уже рукой подать.

Проснулся, как всегда, на остановке. Время – около полудня. Продрав глаза, выглядываю в окно. Станция Лоухи, стоянка 10 минут. Прогуляться, что ли?

На улице чувствуется, что мы почти подобрались к Полярному кругу – уже нет ни намека на солнце, небо плотно затянуто серыми облаками. Север в этих краях характерен не столько холодом, сколько ненастьем... Название станции наводит на совсем уж давние воспоминания: отрывки из эпоса «Калевала» в одной детской книжке. Была там такая противная старуха Лоуха (колдунья, естественно), которая жила в мрачной северной стране Похьёла и вечно пакостила доброму кузнецу Ильмаринену – ну, в общем, долго рассказывать... Судя по названию, приехали мы уже чуть ли не на край Земли – ан, нет – самое интересное еще впереди! И мы мчимся дальше, в Мурманскую область.

Запомнилась Кандалакша. Своими грациозно изогнутыми у подножия сопки станционными путями и симпатичным, напоминающим теремок, вокзалом. Это уже Заполярье. И погода продолжает портиться на глазах. Наконец, в пятом часу вечера поезд прибывает в Апатиты. Наш путь сюда занял более трех суток.

Погода к этому времени становится совсем уже невразумительной – температура чуть ниже нуля, метет, видимость, мягко говоря, неважная. Типичный циклон. Каково же сейчас в горах? Впрочем, для начала надо добраться хотя бы до Кировска, а как? Насколько я понял, электрички по проложенной туда железнодорожной ветке не ходят (если вообще когда-нибудь ходили), да и рейсовых автобусов, как на грех, тоже что-то не видать... Не на такси же, в самом деле, ехать? Положение спас Пол Абдулыч, торговавшийся с водителем какого-то частного автобуса. Причем тот согласился отвезти нас не просто до Кировска, а сразу до Полярного ботанического сада, что находился еще в нескольких километрах далее, прямо у подножия гор. Ну что ж, у нас за последнее время было столько пересадок, что было приятно уменьшить их количество хотя бы на одну!

Кировск находится примерно в 15 километрах от Апатит, уже практически на горных склонах, и выглядит из-за этого не в пример живописнее. Здесь находятся крупные горнорудные предприятия и одни из лучших в стране горнолыжных трасс, хотя, признаться, им все же далеко до австрийских или швейцарских. Обогнув озеро Большой Вудъявр и миновав рабочий поселок «25-й километр» (на картах – Кукисвумчорр), наш автобус повернул налево, проехал еще с километр и остановился возле какого-то недостроенного железобетонного здания. Все. Остаток пути нам предстояло проделать уже на своих двоих.

Вытряхиваемся из автобуса. В лицо ударяют порывы ветра, метет. Судя по карте, идти всего несколько километров, но куда? Видимости почти никакой, да и смеркается уже. Даже гор – и тех не рассмотреть! А ведь там еще надо будет где-то место для лагеря выбирать, палатку ставить, стенку от ветра городить... Учитывая все эти обстоятельства, острого желания ломиться неведь куда на ночь глядя не испытывал никто. Внимательно всматриваемся в окружающую муть. По правую руку от нас высится упомянутая уже «замороженная» стройка, по левую-домики комплекса Ботанического сада (уже интереснее!), а в паре сотен метров прямо по курсу виднеется какой-то пятиэтажный корпус, смахивающий на гостиницу (это уже явно не про нас, вариант даже не рассматривается). Итак, двигаемся к ботсаду. Сначала там нас ждало разочарование – рабочий день научных сотрудников уже закончился, и договариваться о ночлеге в одном из домиков было уже попросту не с кем. Я уже умыл было руки и вернулся обратно к оставленным на дороге рюкзакам, но тут меня окликнул Шура Туманов и сообщил

благую весть – удалось-таки договориться о ночлеге со сторожем и шоферами ботсадовского гаража. Ну что же, это уже неплохо!

По узкой лестнице мы поднялись вверх и, открыв дверь, оказались в маленькой, насквозь пропахшей соляркой, бытовке с двумя длинными лавками, небольшим грязным столом, журнальным разворотом с Наташей Королевой на обшарпанной стенке и до жути замазанным полом. Здесь нам и предстояло провести ночь. М-да, комфорт тот еще – но, по крайней мере, тепло, светло и не дует! Засим, пожелав нам приятного времяпровождения, хозяева деликатно удалились, посоветовав нам воздержаться от прогулок на свежем воздухе после 11 вечера, поскольку в это время сторож выпускает на территорию собак.

Полагаю, приютившие нас водилы никогда еще не видели столь чистых полов в своей штаб-квартире, какие мы оставили им после своего пребывания там! Однако ошибаются те, кто подумал, что мы, по доброте душевной, решили сделать им приятное. Увы, мытье полов в бытовке было насущной необходимостью прежде всего для нас самих, поскольку на этом самом полу нам предстояло спать. А поскольку стелить спальные прямо на покрывавший его плотный слой грязи нам решительно не хотелось, пришлось засучить рукава и полчаса энергично поработать тряпками. После того, как естественный цвет полов был восстановлен, в углу бодро загудел примус – экономить бензин, находясь в стенах гаража, особого смысла не было. Вскоре состоялся ужин, украшенный, помимо всего прочего бутылочкой все того же портвейна. В разгар трапезы мы с Пол Абдулычем, также заядлым болельщиком, вдруг вспомнили, что сегодня вечером как раз должен был состояться ответный матч «Спартак» с «Нантом» в четвертьфинале Лиги Чемпионов (да, да, дорогой современник: теперь в это, конечно, верится с трудом, но ведь были времена, когда наши в Лиге Чемпионов ухитрялись выходить из группы!). Естественно, возникло желание проследить за его ходом. С этой целью я направился напрямик к сторожу, у которого имелся радиоприемник. Возражений против моей компании у того не возникло, и мы славно провели время, выпив за время репортажа и последовавших затем разговоров «за жизнь» не менее трех... чайников чая! Словом, когда я, счастливо избежав встречи с собачками, вернулся в нашу бытовку, там все уже давно спали.

Наши, кстати, после того матча благополучно вылетели из Лиги. В этом плане российские футболисты и тогда не отличались оригинальностью...

Утро обрадовало резким улучшением погоды. Выйдя на улицу и осмотревшись, я, наконец-то увидел кусочек того, за чем мы, собственно, сюда и прибыли – Хибинских гор. Правда, «пупырь», под которым примостились постройки Ботанического сада, горой можно было назвать еще с некоторой натяжкой, однако поодаль виднелись и более внушительные формы рельефа. Путь наш лежал по дороге к озеру Малый Вудъявр (размером примерно километр на два), которое занимает значительную часть довольно обширной межгорной котловины примерно в четырех километрах от нашего последнего приюта. Вот там-то нам и надлежало разбить базовый лагерь для последующих радиальных выходов на восхождения.

Надо сказать, что наем «шерпов» из числа местных жителей в наши планы не входил; в то же время значительное количество разного рода личного и общественного имущества практически не позволяло утащить все это за один раз. Рюкзаков у нас было больше, чем людей, и даже маленькие пластмассовые волокуши, предусмотрительно захваченные Мальцевым, помочь тут никак не могли. Таким образом, предстояло совершить по меньшей мере два челночных рейса. Альпинизм вообще характерен тем, что подразумевает использование множества специфических штук, часть которых занимает много места (веревки, каски), а прочие имеют немалый вес (ледорубы, кошки, карабины, лавинные лопатки, крючья, закладки и прочее «железо»). Если же присовокупить к этому джентльменскому набору переносную радиостанцию «Карат», а также прибабасы сугубо лыжного туризма (палатка, тент, спальные, пила, топор, складная печка, примуса, а также топливо для этих самых примусов, плюс немалые запасы продоволь-

ствия и теплых вещей), то нет ничего удивительного, что на перетаскивание всех этих богатств на место будущего лагеря у нас ушел практически целый день.

Впрочем, все это нам пока только предстояло. А пока, распределив поклажу на два рейса и оставив половину ее в гараже, мы нацепили лыжи и сравнительно налегке двинулись в горы. Дорога к озеру Малый Вудъявр пересекала невысокую грядку, таким образом, для того, чтобы попасть туда, нам надо было преодолеть своего рода микро-перевал. Подъем был достаточно пологим и совершенно не напрягал, но обзор до поры до времени несколько ограничивал. Зато с верхней точки открылся замечательный вид на окруженную горами озерную котловину. Само озеро, лежащее на высоте около 350 метров и занимающее пространство примерно километр на два, было покрыто толстым льдом и располагалось чуть поодаль. Дорога, идущая в сторону перевала Рамзая, огибала его с востока и севера, нас же интересовали горные склоны, лежащие западнее. Поэтому, свернув с дороги, мы спустились вниз и пошли напрямик через котловину, двигаясь мимо выгнутых подковой обрывистых круч массива Вудъяврчорр. В последующие дни мы проделывали этот маршрут несчетное количество раз, и каждый раз я восхищался, с каким тонким вкусом матушка-природа слепила весь этот район. Местным жителям определенно повезло-такая красота, и прямо под боком!

Часть незанятого озером пространства котловины покрыта лесом, им же покрыты и подножия гор. Впрочем, на склонах, смотрящих на север, деревья забираются вверх сравнительно невысоко. Склоны же с южной экспозицией отличаются куда большей небритостью – граница леса доходит здесь местами до 700 м над уровнем моря.

Головы у всех дружно повернуты строго налево, на ходу изучаются маршруты будущих восхождений. Периодически останавливаемся, чтобы в очередной раз свериться с описанием. Вот этот косой глубокий шрам, рассекающий гору снизу доверху, называется Лавинным кулуаром. Выглядит устрашающе, и название подходящее – сразу видно, что лавинам там действительно есть, где разбежаться. Дальше в хребте видна небольшая зазубрина, словно кто-то тукнул по горам топориком – перевал Географов. Здесь Вудъяврчорр кончается и начинается уже Тахтарвумчорр, простирающийся до самого перевала Рамзая. Высота этих массивов не слишком велика – чуть больше километра, но впечатление они производили внушительное. Дело даже не в высоте, а в крутизне их склонов. Что интересного в пусть даже сравнительно высокой горе, если на нее можно взойти, что называется, пешком? Окрестные же ледово-скальные маршруты нам такой легкой жизни явно не обещали!

Погода великолепная, просто удивительно – еще вчера здесь была такая беспросветная муть... Что же, будем считать это яркое хибинское солнышко своеобразным салютом в честь нашего прибытия! В его лучах особенно выигрышно смотрятся огромные ледяные фигуры, образовавшиеся из фонтанировавших летом водяных скважин. Ими буквально утыкан участок долины, по которому мы продвигаемся. Мамочка моя, я тридцать лет жил на свете и не знал, что лед может быть такого интенсивного голубого цвета! Форма у этих замерзших фонтанов самая причудливая. Вот этот, словно павлиний хвост, распустился почти плоским трехметровым веером (боже, сквозь него просвечивает солнце! красотища-то какая!), а тот – вылитый роденовский «Мыслитель»! Уже только ради того, чтобы просто увидеть все это, стоило приехать сюда, а ведь наши планы куда как обширнее...

Последний отрезок пути был проделан уже непосредственно по льду озера. Место для лагеря было выбрано в чахлам лесочке на берегу, у подножия массива Тахтарвумчорр. Разгрузились, припрятали барахлишко и двинулись обратно в Ботанический сад за остальным снаряжением.

Наконец, приступили к установке лагеря. Надо сказать, процесс обустройства долговременного жилища в условиях зимнего Заполярья имеет свою специфику. Так, у нас на Полярном Урале некоторые туристы-пижоны даже ухитрились строить себе из пиленого снега «иглу» на манер эскимосских и, говорят, неплохо там себя чувствовали. Мы до таких извращений

решили не доходить и взяли с собой нашу старую добрую палатку «Зима» с полиэтиленовым тентом. При желании в «Зиму» можно запихнуть хоть десять человек, так что вчетвером там должно было быть вполне комфортно. Правда, дно у нашей палатки было отрезано, но это было сделано сознательно. Конечно, тепла такое «усовершенствование» ей не прибавляло; зато теперь, согласно, хотя и спорной, но неоднократно опробованной в деле, доктрине Мальцева (который в свое время и провел эту вредительскую акцию), мы получали право смело опрокидывать в ней котелки с супом, разливать на пол сгущенное молоко и вообще безнаказанно свинячить внутри палатки в свое удовольствие без риска развести там грязь и сырость.

Процесс же ее установки в общих чертах выглядит примерно так. Сначала снег на выбранном месте тщательно утаптывают лыжами до требуемой степени твердости. Процедура это совершенно необходимая, но наблюдающий ее со стороны имел бы все шансы заподозрить ее участников в недостаточной умственной полноценности: представьте себе четырех странно одетых мужиков, с мрачным видом и без видимой цели бродящих кругами по глубокому снегу! Затем утоптанная площадка густо засыпается еловым (или пихтовым – смотря где что произрастает) лапником. Важно, чтобы слой лапника был достаточно толстым – дна-то у палатки нет! После этого необходимо изыскать материал для центральной опоры. Обычно в походах ее роль выполняют особым образом связанные лыжи, их же используют и для фиксации боковых растяжек. Однако в нашем случае этот вариант использовать было невозможно. Не могли же мы здесь все время обходиться без лыж! Поэтому следовало позаботиться о поиске чего-нибудь длинного и прочного – иными словами, большого деревянного кола, в который вскорости и превратилась одна из росших неподалеку берез. Кстати, окружающий нас лесок оказался не таким уж чахлым, просто на его внешнем восприятии сказался «эффект Мюнхгаузена» – при толщине снега в добрые два метра мы могли видеть лишь верхушки деревьев.

Ну, а после установки палатки и натягивания поверх нее тента, начинается самое интересное – строительство вокруг нее ветрозащитной стенки, сначала со стороны господствующих ветров, а затем и по всему периметру. Здесь волей-неволей приходится прибегать к элементам эскимосской архитектуры, ибо снег – это единственный подручный материал, который позволяет быстро и без особых проблем возводить подобного рода циклопические сооружения. Стенка периодически достраивалась и приобрела свой окончательный вид лишь через несколько дней, зато вышла на славу – в человеческий рост, с контрфорсами... Вещь это в высшей степени нужная: ведь помимо защиты от ветра, стенка играет также и роль теплоизоляции. Может быть, где-нибудь в гуще леса особой необходимости в строительстве такой стенки и нет. Однако попытки сэкономить силы и время на ее сооружение где-нибудь на открытых всем ветрам просторах тундры или, как в нашем случае, на берегу замерзшего горного озера, могут запросто привести к тому, что обитателям такой незащищенной палатки в один прекрасный день (а скорее всего, ночь) придется играть в Скарлетт О'Хару, которую сами знаете, что унесло. Не говоря уж о том, что в насквозь продуваемой палатке от холода все время ни у кого зуб на зуб попадать не будет.

Кстати, о борьбе с холодом, этой основной проблеме любого зимнего похода. Теоретически, при наличии у всех хороших спальных мешков, палатку можно не отапливать вовсе. Но существование в таком холодном режиме на протяжении полутора недель (а именно столько мы планировали прожить на берегу Малого Вудъявра) едва ли можно назвать комфортным. Для тех же, кого не привлекает перспектива постоянно видеть пар у своего рта, существуют специальные мини-печки, изготовленные из тонких листов титанового сплава. Печки эти в сложенном состоянии занимают очень немного места и на удивление легки, несмотря на то, что обладают почти всеми атрибутами настоящих печек – у них есть и труба (удивительная, кстати, штука – длинный тонкий лист металла, самосворачивающийся вдоль; при транспортировке его для экономии места сматывают уже поперек), и даже специальный короб-экономайзер для более полной теплоотдачи. А вот чего у этой чудо-печки нет, так это колосниковой решетки и

поддувала. В силу чего она очень разборчива к качеству дров и что попало в ней гореть или просто не будет, или будет, но плохо. Кроме того, ее карманные размеры диктуют необходимость распиливания дров на совсем уж коротенькие чурочки, что резко увеличивает количество этих самых распиливаний.

В безлесных районах (если, конечно, не тащить туда дрова с собой) можно обогреться примусами. Вообще-то это не самый хороший вариант: во-первых, элементарно небезопасно, во вторых, продукты сгорания бензина при этом поступают непосредственно внутрь палатки (трубы-то у примуса нет!), что, мягко говоря, бесполезно для здоровья. Не буду вступать в полемику с теми, кто считает кощунственным кочегарить примус вхолостую с единственной целью согреться, рискуя при этом здоровьем и расходуя драгоценное топливо, но думаю, что в сильные морозы, по крайней мере, готовку на примусах стоит проводить все-таки внутри палатки...

Печку мы с собой взяли, предполагая, что с дровами здесь проблем не будет. Лес действительно как бы имел место, но ни одной приличной сушины, которую можно было бы спилить и пустить на дрова, в обозримой близости нам так нигде и не попалось. Кривая же карельская береза, не будучи высохшей на корню, гореть в нашем титановом очаге категорически отказывалась. Несмотря на все усилия, она лишь тихо тлела, почти не давая тепла, зато усиленно наполняя палатку дымом. Во всяком случае, о том, чтобы готовить на такой печке, не могло быть и речи. Тогда на свет Божий появились примуса. Их у нас было аж две штуки: общественный «Шмель» и личный мальцевский «Огонек», отличающийся маленькими размерами и отсутствием насоса. Так что без горячего мы, разумеется, не остались, но ночью было все же холодновато.

Кстати, разбирая свой рюкзак, Сергей Леонидович снова наткнулся среди вещей на знакомый ламинированный пакетик и вознамерился было немедленно утопить проклятый порошок в озере. Экологическую катастрофу предотвратило только активное вмешательство остальных членов группы...

В начале славных дел

На следующий день восхождений пока еще не намечалось. Необходимо было решить некоторые организационные вопросы (в частности, определиться с датой обратного выезда и купить в Кировске обратные билеты на поезд – полагаться на удачу в этом вопросе нам больше не хотелось), пополнить запасы продовольствия и просто отдохнуть. Помимо этого, Сергей Леонидович упорно желал соблюсти все альпинистские приличия и поставить в известность о наших планах председателя местного отделения Федерации альпинизма, уже упоминавшегося выше О. И. Шумилова.

Решено было оставить Пашу с Шурой на хозяйстве, мы же с Мальцевым сразу после завтрака надели лыжи и покатали через заструги по заметенному льду озера в направлении все того же Ботанического сада. Тут я впервые обратил внимание еще на одно хибинское чудо, которое про себя я назвал «обратный след». Суть его заключается вот в чем. Все привыкли, что лыжня всегда вдавлена, углублена в снег. Так вот, в Хибинах мне сплошь и рядом попадались выпуклые (!) участки лыжни, возвышающиеся над поверхностью окружающей снежной целины. Более того, выше в горах встречались мне и цепочки обычных следов, аккуратными бугорками выступавших наружу!

Полагаю, причиной этого любопытного явления служат постоянные ветра и повышенная влажность воздуха. По-видимому, снег после прохождения человека уплотняется здесь сильнее, чем это бывает обычно, и остается на месте даже после того, как ветер сдует весь остальной верхний рыхлый слой снега. Так обычный вдавленный след в конце концов становится «обратным», выпуклым...

Снова идем мимо знакомых уже голубых фонтанов. Зрелище феерическое. Поскольку сегодня времени у нас было предостаточно, решаем уделить фонтанам большее внимание. Скользя по ровному ледяному куполу метров десяти в диаметре, приближаемся к уже упоминавшейся фигуре, напоминающей огромный хрустальный веер или распушенный павлиний хвост. Внутри «веера» слышится тихое журчание. Присмотревшись, действительно замечаем в его нижней части пульсирующую под слоем льда струйку воды. Это, пожалуй, самая эффектная ледяная фигура во всей долине, особенно, когда сквозь нее просвечивает солнце. Подмыкает на нее залезть – но без кошек это совершенно невозможно.

Трехметровая фигура а-ля «Мыслитель» Родена оказывается более покладистой и, после непродолжительного карабка по его скользкому ледяному торсу я, наконец забираюсь на самый загибок Мыслителя. Затем, покрасовавшись там перед объективом фотокамеры, осторожно спускаюсь вниз. Если угодно, можете считать это моим первым восхождением, совершенным в Хибинах!

Перевалив через гряду и лихо скатившись вниз к Ботаническому саду, мы с Сергеем Леонидычем, не долго думая спрятали лыжи в подвале недостроенного дома, и последние полтора километра до автобусной остановки в поселке «25 километр» проделали уже пешком. Поселок этот, состоящий из нескольких улиц, застроенных одинаковыми панельными пятиэтажками (кстати, без единого балкона – так же, как и в самом Кировске, да и в Воркуте полно таких домов – думаю, тоже по причине сильных ветров), не был бы ничем примечателен, если бы не окружавшие его ландшафты. Я всегда недоумевал, почему горняками именуют людей, которые не только не поднимаются в горы, но даже совсем наоборот, норовят забраться куда-нибудь глубоко под землю. Только здесь, в Хибинах, я, наконец, убедился, что горнодобывающая промышленность действительно умеет добывать... горы! И, доложу я вам, вид взорванной горы, возвышающейся над поселком – впечатляющее зрелище.

Поездка на рейсовом автобусе с молодой симпатичной кондукторшей до центра города Кировска заняла не больше пятнадцати минут. Проезжая мимо, невольно обратил внимание на располагавшийся ниже, ближе к озеру, заброшенный железнодорожный вокзал – довольно большой, но абсолютно никчемный, ведь пассажирского движения по железной дороге в Кировске уже нет. По электрифицированной ветке, проходящей через город, возят теперь только апатито-нефелиновый концентрат и прочую продукцию местных рудников и горно-обогатительных фабрик.

Автобусное сообщение в Кировске формально сплошь пригородное, поскольку осуществляется из соседнего города Апатиты, откуда и ведется дорожный километраж (т. е. «25 километр» – это от Апатит, а от Кировска дотуда совсем рядом). В силу чего номера всех маршрутов начинаются здесь с сотни, хотя по городу они почти всегда идут со всеми остановками. Интересны и сами автобусы. Во-первых, почти все они были «забугорного» производства (очевидно, кто-то догадался не то купить, не то взять в лизинг подержанные машины из Норвегии), а во-вторых, на многих из них новые хозяева даже не удосужились снять норвежские маршрутные трафареты, в результате чего порой можно было подумать, что автобус идет напрямик в какой-нибудь Нарвик.

Первое, что мы сделали, оказавшись в Кировске-дали домой телеграммы о том, что добрались до места, причем не только за себя, но и за оставшихся в лагере. Затем от центральной площади поднялись вверх по одной из улиц (как я уже говорил, Кировск лежит на склонах гор, поэтому улицы, идущие перпендикулярно основной дороге, огибающей озеро Большой Вудъявр, обладают значительной крутизной), отыскивали там предварительные железнодорожные кассы и, отстояв не очень большую очередь, взяли обратные билеты на 30 марта до станции Коноша, на поезд Мурманск – Вологда. Всем, кроме... Шуры Туманова. Причиной тому был заявление, сделанное Шурой накануне, и касающееся его несогласия с предлагаемым Пашей и Сергеем Леонидовичем графиком восхождений. Уж не знаю доподлинно, какая муха уку-

сила тогда нашего дражайшего Александра Юрьевича – возможно, наслушавшись о подготовке «сепаратного» некрасов-ско-мальцевского штурма одного из самых сложных окрестных маршрутов (оцененного тогда в4Б, но впоследствии разжалованного), он и сам решил никуда не уезжать, не совершив чего-либо столь же выдающегося – но, так или иначе, брать себе обратный билет он нам тогда категорически запретил. Ну что ж, хозяин – барин... Однако, забегая вперед, скажу, что уже через несколько дней после этого неожиданного «демарша», альпинистские аппетиты нашего друга естественным образом вошли в разумные берега, что вызвало необходимость в спешном порядке решать проблему обратного выезда теперь уже для него самого. Хорошо еще, что ему удалось взять билет на тот же самый поезд и даже в тот же самый вагон, что и нам!

Следующим пунктом был продуктовый магазин. Затарились разными вкусностями, обеспечив себе несколько дней сытной жизни – ведь в ближайшие дни нам будет не до выездов в город. Помимо съестных припасов, было приобретена на пробу пара литровых пачек крепленого вина «Золотые купола» мурманского разлива (помните те времена – вино в пачках в любом ларьке?!), ставшего затем культовым напитком всей поездки. Там же мне случилось впервые попробовать темную «Балтику-четверку», стоившую тогда 4200 рублей за бутылку, что было вполне по-божески.

Из магазина путь наш лежал в баню, также расположенную недалеко от центра города. Баня в Кировске мне понравилась – чистая, уютная, с хорошим паром. Сергей Леонидович тоже остался доволен: все-таки возможность попариться в бане во время похода в горы – это дорогого стоит. Мне повезло побывать там еще раз, но это было уже незадолго до нашего отъезда из Хибин.

Через пару часов, чистые и довольные, мы вышли из этого достойного заведения и, сфотографировавшись на фоне памятника крестному отцу города Сергею Мироновичу Кирову, отбыли на место постоянной дислокации. Из всей программы невыполненным оставался лишь один пункт – не удалось наладить связь с главой местных альпинистов: Олег Иванович Шумилов, в силу достаточно веских личных причин, появлялся домой не ранее одиннадцати вечера.

Вернувшись к оставленным утром друзьям уже в сумерках, мы обнаружили, что и они даром времени не теряли. Прежде всего, в палатке наконец-то было тепло и сухо, а в углу весело гудела раскаленная чуть ли не докрасна печка. Откуда дровишки? Оказывается, Шуре с Пашей повезло найти где-то неподалеку часть старого телеграфного столба, который они прилежно распилили, накололи на мелкие части и перетащили к палатке. Дрова оказались отменными, креозотом почти не воняли, так что до самого отъезда мы больше не знали хлопот с обогревом.

По такому случаю ужин прошел в особенно теплой и дружественно обстановке, чему в немалой степени способствовали «Золотые купола». Дошло дело и до гитары, приобретенной мной еще на первом курсе института в магазине на Нижней Масловке (что в славном городе Москве), и с тех пор неоднократно ломаной, благодаря чему звук ее теперь оставлял желать много лучшего, но зато ее совершенно не жалко стало брать в походы. Все было очень хорошо и душевно примерно до десяти часов вечера, когда Мальцев вдруг куда-то засобирался. Оказывается, он все еще не отказался от мысли связаться с Шумиловым, для чего ему всего-то требовалось пробежать четыре километра до ближайшего телефона, который находился в гостинице возле Ботанического сада. Оно бы и ничего, если бы не ночь на дворе. В общем, мысль бежать сейчас незнамо куда, незнамо зачем, показалась мне откровенно бредовой. Да и, похоже, не мне одному, поскольку и Шура, и Паша также принялись отговаривать его от этой странной затеи. Бесполезно. Торопливо нацепив лыжи, патологически верный своему долгу Сергей Леонидович покинул нашу разомлевшую компанию и растворился во мраке. «Маньяк!» – было самое корректное из того, что прозвучало ему вслед. Впрочем, несмотря на кажущуюся нелепость этого ночного марша я не мог не отметить про себя, что наш друг Серега на наших глазах совершает Поступок. Ибо надо иметь недюжинную силу духа, чтобы вот так, невзирая на

уговоры, все-таки покинуть уютную теплую палатку с ее «Золотыми куполами» и веселыми песнопениями для того, чтобы в одиночку рвануть куда-то по ночному зимнему Заполярью!

Вернулся Мальцев около полуночи с хорошей новостью: Шумилов благословил нас на спортивные подвиги. С тем и залегли спать.

Откол, или мое посвящение в «значки»

Субботнее утро 23 марта началось с того, что бодрый мальчишеский голос снаружи палатки попросил разрешения войти. Кто это там ходит в гости по утрам? Развязываем входной тубус и приглашаем визитера внутрь. Им оказался симпатичный молодой человек семнадцати лет от роду по имени Никита. Прислал его к нам не кто-нибудь, а сам Олег Иванович, которому, очевидно, не на шутку польстило наше присутствие в его, только что им же классифицированной, вотчине. Надо сказать, что «эmissар», несмотря на свою молодость, оказался довольно опытным альпинистом, во всяком случае, этот район за пять лет занятий он, похоже, успел изучить, как свои пять пальцев. Что ж, описания описаниями, но живой человек – это всегда как-то надежнее...

Итак, настало время продемонстрировать все наши знания и умения на практике. Разумеется, принцип «от простого – к сложному» действует и в альпинизме, поэтому для начала выбираем маршруты попроще. Мне, поскольку все еще числюсь в «новичках», пока еще не положено проходить маршруты сложнее категории трудности 1Б, а маршрут такого уровня поблизости только один – подъем на так называемый «Откол» массива Тахтарвумчорр через перевал Географов. Маршрут комбинированный, то есть наряду со ледово-снежными участками есть и участки чисто скального лазания. Ну что ж, это хорошо, это как раз то, что мне нравится! Правда, погода несколько испортилась, вершины закрыты облаками, но ветер несильный и не очень холодно – то есть все вполне приемлемо. Распределяемся следующим образом. Я вместе с Пашей иду на Откол; целью Мальцева, Шуры Туманова и Никиты будет подъем на Вудъяврчорр по Лавинному кулуару (маршрут этот оценен в 2А, то есть формально соваться туда я пока еще не имею права).

Выходим все вместе, пока еще нам по пути. На лыжах поднимаемся выше границы леса (склон имеет северную экспозицию, в силу чего она проходит здесь примерно на высоте 300–400 метров, выше даже кустов нет), затем, уже почти без набора высоты уходим влево. Вообще, траверсировать фирновые склоны на лыжах без металлической окантовки – удовольствие ниже среднего. Опорная нога то и дело соскальзывает вниз, и это начинает раздражать. К счастью, длится траверс недолго. Наконец сваливаем в «цирк» у подножия скальных обрывов Вудъяврчорра. В нижней его точке лежит здоровенный камень размером с автобус, который на ближайшее время станет весьма посещаемым нами пунктом. Оставляем лыжи под камнем, надеваем кошки – и наши пути временно расходятся.

Подъем к перевалу Географов технически несложен. Опираясь на лыжные палки, мы с Пашей довольно бодро шагали вверх, хотя довольно скоро я почувствовал, что мои физические кондиции сегодня все-таки далеки от идеальных. Употребленные накануне «Золотые купола» мстительно напоминали о себе зверской жадой. Во всяком случае, к термосу с чаем я прикладывался куда чаще, чем обычно...

Набирая высоту, уходим в облака, и видимость сразу ухудшается. Примерно на тридцатой-сороковой минуте подъема от оставленных возле камня лыж достигаем, наконец, перевала. Это узкий стометровый проход через гору, который с южной стороны массива переходит в сравнительно пологий спуск в направлении Апатит. Видны следы недавних посещений, но само это место слишком уютным не назовешь – ветер дует, как в аэродинамической трубе. Не останавливаясь на отдых, начинаем подъем по правому боковому откосу на вершинное плато Тахтарвумчорра.

Крутизна подъема по мере набора высоты не уменьшается и остается в пределах 30–35 градусов, а может, и побольше. До ледорубов дело пока не доходит, но без кошек тут никак. Паша же, как на грех, уже в третий раз останавливается, чтобы поправить слетевшую с ноги кошку. Удивительно! В отличие от меня, не мудрствуя лукаво цепляющего кошки прямо на бахилы для лыжных походов (резиновые галоши с пришитым капроновым верхом, надеваемые поверх обыкновенных валенок), Паша идет в пластиковых горных ботинках с широким рантом на носке и пятке, казалось бы, кошки на них должны сидеть идеально – и вот, поди ж ты... У меня же им, кажется, и держаться не за что – а сидят пока, как влитые (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!).

Наконец, подъем несколько выполаживается, и мы выходим на вершинное плато. Второй этап подъема завершен. Оставалось найти расщелину, отделяющую Откол от основного массива. Казалось бы, всё просто. Но тут мы столкнулись с удивительным явлением, которому дали название «белая мгла». В двух словах – это когда светло, но вокруг ни зги не видно! Не видно гор (они скрыты облачностью), скал (они остались внизу), снега под ногами (в условиях столь специфической освещенности, когда ни один предмет не отбрасывает тени, даже следы на снегу становятся невидимыми), неба (оно имеет такой же равномерный мутно-белесый оттенок, что и снега вокруг). О том, поднимаешься ты или спускаешься, можно судить лишь по тому, насколько затрудняется либо облегчается твой шаг. Линия горизонта растворяется, сливаясь с окружающей беспросветной белизной. Ощущение забавное, хотя и несколько жутковатое – впечатление такое, будто тебя просто подвесили в пустоте. Если бы не идущий рядом Паша, вполне можно было бы подумать, что весь мир вдруг провалился в тартарары!

И вот, в условиях почти полного отсутствия видимости, мы уже добрых полчаса бродим по Тахтарвумчорру, пытаюсь отыскать цель нашего восхождения – ведь без подъема на Откол оно не может быть засчитано! Но где он, это Откол? Неужели придется возвращаться, несолоно хлебавши? Наконец, нам везет – справа Паша замечает чернеющий в некотором отдалении скальный обрыв. Подходим ближе. Ого! Внизу, скрываясь в клубящихся облаках, уходят метров на четыреста вниз два почти отвесных кулуара, которые, смыкаясь примерно в десяти метрах под нами, образуют узкую снежную перемычку. Спустившись по скалам на эту перемычку, можно перейти по ней на сторону Откола и, потом так же, по скалам, подняться на него. В общем, ничего сложного, но вот если ненароком улететь в один из этих кулуаров... Поэтому решаем организовать страховку по всем правилам, благо, подходящих камней вокруг навалом, да и в веревках недостатка нет. Первым, как более опытный, идет Паша. Спускается на перемычку, проходит по ней, забирается на Откол. Все в порядке. Сейчас между нами по прямой от силы двадцать метров, но фигура Паши едва проглядывает сквозь туман. После его возвращения тем же маршрутом прохожу и я. Лазание, действительно, оказывается несложным, но без этого участка восхождение, пожалуй, лишилось бы своей изюминки.

Итак, маршрут пройден, записка заложена в тур – стало быть, программа на сегодня выполнена и можно подумать о возвращении. Сматываем в бухту веревку, убираем обратно в рюкзаки страховочные системы, а когда собрались взять в руки лыжные палки, то увидели, что Хибины преподнесли нам очередной сюрприз.

Про «хибинскую изморозь» я где-то читал и раньше, но увидеть ее воочию мне впервые пришлось именно здесь, на вершине Тахтарвумчорра. За то время, что мы с Пашей посещали Откол, наши воткнутые в снег лыжные палки успели покрыться красивой бахромой из длинных, до десяти сантиметров, нитей инея. Такой же бахромой были покрыты и большинство окрестных камней. Почему на хибинских вершинах все предметы индевеют таким странным образом, сказать наверняка не могу, но думаю, что и тут дело в повышенной влажности воздуха.

Далее все происходит в обратном порядке – мы спускаемся на перевал Географов, а оттуда двигаемся вниз, к оставленным у камня лыжам. Погода тем временем несколько улуч-

шила. Лицом мы теперь повернуты в полевую сторону, так что рассматривать с высоты птичьего полета лежащую под нами долину становится гораздо удобнее. Замечаем интересное явление: горы на противоположной стороне долины пересекает узкая, освещенная солнцем через щель в сплошных облаках, полоска, выше и ниже ее все по-прежнему лежит в тени. Смотрится все это красиво, и я снова пускаю в ход свой выдавший виды «Зенит»...

К моменту нашего возвращения в базовый лагерь Сергей Леонидович и Шура уже успели вернуться. Услышав их голоса, Паша, едва скинув лыжи, хитро ухмыльнулся и нырнул в палатку. А вот когда его примеру вознамерился последовать и я, путь мне преградила его же внушительная фигура и настоятельная просьба немного подождать на улице. Что они там опять затеяли?

Тем временем из «Зимы» слышалась какая-то возня, сопровождаемая приглушенным смехом. Наконец, через минуту из входного проема высунулась довольная бородатая физиономия Пол Абдулыча, держащего в руке небольшую эмалированную кружку. За ним показались Мальцев с Тумановым. Улыбки на их лицах отдавали некоторым ехидством... «Закрой глаза!» – потребовал Пол Абдулыч и поднес кружку к моим губам. Ощущая во рту обжигающе-терпкий вкус коньяка, послушно осушаю емкость. «Атеперь закуси!» – слышу радостный возглас Сереги Мальцева, и тут же в рот мне влетает что-то невероятно соленое! От неожиданности широко раскрываю глаза и вижу довольные лица друзей, который наперебой кидаются меня поздравлять. Да что, собственно, такое произошло?

Ах, да! Успешно завершив свое первое категорированное восхождение¹, я заработал право на значок «Альпинист России», влившись в когорту представителей этого славного вида спорта. А все только что произошедшее – и выпивание мной коньяка, и закусывание его бульонным кубиком – было своеобразным обрядом посвящения в альпинисты. Признаться, немного неловко становиться «значком»² на тридцатом году жизни, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Это, по крайней мере, значит, что ты хоть что-то можешь, что ты – не совсем уж законченный «чайник»! Ну что же, теперь надо было делать себе настоящий разряд.

Что же касается Сереги и Шуры, то они в тот день вместе с Никитой без особых проблем в довольно высоком темпе прошли Лавинный кулуар и успешно поднялись на Вудъяврчорр. Спустившись по пути подъема, сами они двинулись обратно в лагерь, Никита же направился напрямик к себе домой. Каких-либо особенно проблемных мест при прохождении маршрута в кулуаре ими отмечено не было. А стало быть, завтра туда же пойду и я! Чем я, в конце концов, хуже?

Планы Паши и Сереги, подстать их квалификации, куда более серьезные. Размявшись сегодня на единичках-двойках, они намерены приступить теперь к выполнению своей основной задачи – прохождению двух маршрутов справа от Лавинного кулуара – 3Б и 4Б к/т. При чем «тройка» эта являлась, по сути дела, частью «четверки». Она получалась, если подъем к середине маршрута осуществлялся не по скальной башне, идущей с самого низа, а по Лавинному кулуару с последующим уходом вправо траверсом снежного склона, что было, конечно, значительно проще, чем карабкаться по почти отвесной стене. Вот такая хитрая комбинация. Что же до Шуры Туманова, то его планы на следующий день оставались неопределенными. В Лавинном кулуаре он только что побывал, ну, а более сложные восхождения Пол Абдулыч с Мальцевым твердо намерены были совершать сугубо в паре.

Ужин, как и накануне, прошел в теплой дружественной обстановке, однако напитки на этот раз были уже сугубо безалкогольные. Памятуя о томлении духа, с которым я выходил

¹ Строго говоря, свою первую скальную «единичку» я прошел еще осенью 1995 года на Форосском канте в Крыму, но тогда ее не оформили надлежащим образом. В мае того же года мы с Мальцевым сделали траверс обеих вершин горы Динозавр на Полярном Урале, что тоже вполне тянуло на 1Б – но в ту пору этот маршрут еще не был включен в классификатор Федерации альпинизма. – *прим. авт.*

² Соответствует I юношескому разряду.

сегодня утром на маршрут, я пришел к мудрому выводу, что с возлияниями накануне восхождений, пожалуй, стоит завязывать. Этому правилу я в дальнейшем следовал неукоснительно, однако во время трапез налегал все больше не на горячий чай (что было бы естественно в зимнем походе), а почему-то исключительно на ледяной раствор купленного Мальцевым в Обозерском израильского «оранджа», который мы тут же дружно обозвали «еврейским напиточком». К величайшему изумлению окружающих, я невозмутимо хрустел оранжевыми льдинками на зубах даже тогда, когда все остальные откровенно мерзли.

Вообще, забавно, но уже успело подрасти целое поколение, искренне считающее, что пищевые концентраты – последний писк моды, пришедший к нам, в дикую Россию, с цивилизованного Запада. Что бульонные кубики придумала фирма «Галлина Бланка», а до «Юпи» или – прости, господи – «Инвайта» в природе не существовало растворимых напитков. Да ничего подобного! Просто все эти деликатесы холостяцкого быта наша Родина к тому времени уже давно разжевала и выплюнула. И бульонные кубики ГОСТ 5.106-68 в жестяных коробочках по полтиннику, и шипучки в бумажных пакетиках за пятак. Другое дело – кому это все мешало? Понятно, употреблять такое в повседневной жизни себе дороже, но для походов – самое оно.

Возвращаясь же к теме обогрева, скажу, что печку мы топили исключительно с вечера, и к утру в палатке было довольно свежо. Обычно в походах во время сильных морозов печку топят всю ночь, составляя график дежурств, причем, чем больше в группе народу, тем короче оказываются вахты. Нас же было всего четверо, сильных морозов не намечалось, дрова были в известном дефиците – словом, к практике всенощной эксплуатации печи мы решили не прибегать. Так что в спальники мы залезали, как правило, в верхней одежде.

Поздно вечером выхожу из палатки и сразу задираю голову вверх. Ого! Надо мной безоблачное звездное небо, ни намека на полуденные тучи. Красота! Но что-то странное на небе привлекает мое внимание. Не считаю себя крупным знатоком астрономии, но по-моему, вон то размытое пятно в одном из околополярных созвездий явно лишнее... В легком недоумении, но преисполненный оптимизма, отправляюсь спать. Черт с ним, с пятном, главное – погода завтра будет! С тем и отправляюсь на боковую.

Что же касается заинтересовавшего меня небесного объекта, то его загадка раскрылась только после возвращения домой. Сверившись со звездными картами в журнале «Наука и жизнь», я выяснил следующее. Озадачившим меня пятном оказалась... комета Хиякутаке, как раз в это время пролетавшая недалеко от Земли. Стало быть, получается, что в Хибиных я, сам того не подозревая, впервые в жизни увидел настоящую комету!³ Что ж, после облома с кометой Галлея – которая, как известно, за десять лет до того показала землянам нос, ухитрившись пролететь так, что ее и видно толком не было – это было неплохо.

Соло в Лавинном кулуре

Утро не разочаровало – погода действительно стояла великолепная. Все чувствуют себя вполне отдохнувшими и готовыми к новым свершениям, теперь бы вот пожрать еще чего-нибудь...

Приготовление пищи в серьезном походе – целая наука. Прежде всего, чтобы не тащить на себе лишнее, но в то же время, в случае чего, не оказаться на голодном пайке, рацион участников тщательно планируется с учетом калорийности и совместимости съестных припасов. При этом предпочтение отдается обезвоженным продуктам (воду-то чего на себе таскать – не в пустыне же). Безмен и калькулятор – вот что становится главным орудием завхоза при подготовке такого похода. Далее, важен выбор емкости, в которой все это будет гото-

³ Положа руку на сердце, комета Хиякутаке меня совершенно не впечатлила. Зато через год, когда мы делали лыжную «тройку» на Приполярном Урале, по ночам в небе весь поход висела комета Хейла-Боппа – вотто была комета, так комета! – прим. авт.

виться. Если поход проходит по лесистым районам, где проблема топлива не стоит, вполне можно обойтись и обычным котелком. Ну, а если изобилия дров не предвидится и готовить предстоит исключительно на примусах, то есть возникает насущная необходимость экономии такого невозобновляемого ресурса, как бензин? Тогда на помощь приходит малогабаритная походная скороварка, гордо именуемая автоклавом. Представляет она собой небольшой (но довольно вместительный) округлой формы толстостенный алюминиевый котелок с привинчивающейся крышкой и предохранительным клапаном. Как и любая скороварка, такая посуда позволяет, за счет повышения давления внутри, варить не при 100 °С, а при более высокой температуре, что резко сокращает время готовки и, соответственно, расход горючего. Еще один очевидный плюс автоклава – возможность готовить прямо внутри палатки без опасения развести в ней сырость, ибо его герметично завинчивающаяся крышка пар в процессе варки не выпускает. Впрочем, это, как говорится, в идеале, а о том, что получается на практике – чуть ниже.

С учетом того, что стояли мы в двух шагах от цивилизации, вопросы раскладки провианта и его удельной калорийности волновали нас лишь в незначительной степени. Имея возможность периодически навещать городские магазины, мы могли позволить себе роскошь подходить к вопросу организации питания с откровенно гедонистических позиций. В результате этого наши гонцы за провиантом, как правило, возвращались в лагерь, сгибаясь под грузом пряностей и излишеств. Обстановка же с топливом в Хибинах с самого начала прогнозировалась нами как умеренно-напряженная, поэтому автоклав мы с собой, разумеется, взяли. Сей незаменимый предмет походной кухни на протяжении многих лет верно служил нам и в Заполярье, на Кавказе и в Крымских горах, но иногда, что называется, выкидывал номера.

Итак, безмятежное солнечное утро. В палатке, чуть правее входа, гудит «Огонек». В автоклав, как обычно по утрам, засыпаны макароны с бульонным кубиком и скоро все это будет готово. Народ, перекидываясь шутливыми репликами, занят привычными перед выходом на маршрут делами: кто штопает порванные накануне кошками бахилы, кто эти самые кошки вновь подгоняет по ноге, кто в очередной раз изучает описание маршрута. Как вдруг...

Внезапно раздается громкий хлопок, палатка в долю секунду наполняется непроглядным туманом, а из ее угла на нас обрушивается душераздирающий оглушительный свист, как будто где-то рядом запустили небольшой реактивный двигатель!!! От неожиданности всех буквально подбросило на месте, но, к счастью, глупостей никто не наделал, и это спасло нас от более серьезных неприятностей, вроде пожара. Сразу сообразив, что причиной инцидента могла быть только наша полевая кухня, те, кто сидели ближе, на ощупь метнулись к опрокинувшемуся примусу, быстренько загасили его и привели всю систему обратно в вертикальное положение. Затем, проветрив помещение и восстановив видимость внутри него, мы приступили к разбору полетов.

Выяснилось следующее. Виновницей торжества оказалась кольцевая резиновая прокладка, которая должна была обеспечивать герметичность крышки автоклава. Изрядно изношенное и даже слегка деформировавшееся за годы нещадной эксплуатации, оно в этот раз встало на место с некоторым перекосом, и по мере нарастания давления на одном из участков его в конце концов попросту вышибло. Реактивная струя пара, ударившая из образовавшегося между крышкой и корпусом автоклава свища, тут же опрокинула его вместе со всем содержимым, а заодно и с примусом. И если бы не наши решительные действия, последствия могли быть довольно серьезными.

За что люблю альпинизм – так это за то, что им, в отличие от бокса, занимаются люди преимущественно интеллигентные. Вспомнить хотя бы академика Хохлова, бывшего ректора МГУ – тот даже умер не как-нибудь, а сразу после восхождения на пик Коммунизма. Или того же Олега Ивановича Шумилова – тоже, между прочим, доктора наук, видного астрофизика. Я это к тому, что, окажись на нашем месте представители рабоче-крестьянского сословия, стенки

палатки в процессе выяснения «кто все это устроил» наверняка ходили бы ходуном от трехэтажного мата. Не исключено, что дошло бы и до мордобоя. Ну, а мы... А мы просто весело посмеялись и, как ни в чем не бывало, принялись доваривать макароны.

Выводы, однако, были сделаны. Во-первых, отныне к процессу правильности укладывания кольца в соответствующий паз мы стали относиться с надлежащей серьезностью, а во-вторых, прекратились опыты с закручиванием предохранительного клапана с целью поднятия давления внутри автоклава до максимально возможного. Стало очевидно, что подобные эксперименты рано или поздно могут и до греха довести...

Как бы то ни было, свою законную порцию многострадальных макарон с тушенкой (к счастью, их не пришлось соскребать со стенок палатки) в то утро получили все. В сытом умиротворении окончательно верстаем планы на сегодняшний день. Итак, Паша с Серегой идут обрабатывать маршрут ЗБ. Шансов пройти его за один день практически нет, так что сегодняшний выход можно считать предварительным. Я бы с удовольствием поднялся по Лавинному кулуару, но – Шура Туманов, как я уже говорил, был там только вчера и интереса тащиться туда же еще и сегодня у него, разумеется, нет. Что делать? В одиночку мне, что ли, туда идти?

А почему бы, собственно, и нет? Вообще, мысль о сольном восхождении на 2А начинает казаться мне не такой уж бредовой. Экипирован я неплохо, погода замечательная, серьезного лазания, как я понял, там тоже нету. Конечно, легкий элемент экстремизма во всем этом присутствует, но чем черт не шутит? Вслух, однако, я этих мыслей не высказываю, ибо прекрасно понимаю, что не один ответственный руководитель альпмероприятия (таковым у нас здесь числится Сергей Леонидович) ни за что не даст простому «значку» официальное добро на подобное соло. Так что решаю действовать нелегально: залезу – так залезу, нет – так нет, но попытаться стоит.

Итак, надеваем лыжи, берем с собой снаряжение (в том числе рации) и разбредаемся попарно – Мальцев с Пол Абдулычем уходят наверх к началу маршрута, а мы с Шурой без определенной цели неторопливо катаемся вниз. Вообще-то, для того, чтобы приятно провести время в горах, совсем необязательно на эти самые горы лазить. Можно и просто раскатывать по долине, наслаждаясь видами снизу. Собственно, большинство людей так и поступают, но мне-то этого мало! Какое-то время я продолжаю созреть для принятия решения, и, наконец, созреваю окончательно. А, была, не была! Сообщаю о своем намерении Шуре, тот реагирует достаточно спокойно. Полагаю, что он и сам бы на моем месте поступил бы точно так же. И то сказать – не на Эверест же я собрался!

Так... Стало быть, решение принято. Хорошо. Теперь надо подобрать маршрут и оценить обстановку, что называется, на месте. Отсюда же, с берега озера, Вудъяврчорр и Лавинный кулуар предстают сейчас во всей своей красе. Склон имеет северную экспозицию и сейчас погружен в тень, отчего кулуар выглядит, пожалуй, даже несколько зловеще. Ничего, упрямся – разберемся! Подходы туда занимают от озера километра три, не больше – правда, с довольно приличным набором высоты. По сути дела, это повторение начальной части нашего вчерашнего пути. Ну что ж, с богом! Желаю Шуре не скучать внизу и ухожу наверх. Быстро прохожу зону леса, поднимаюсь еще выше и переваливаю в «цирк». Спускаюсь, достигаю вчерашнего камня. Осматриваюсь. Паши с Мальцевым на горе не видно, однако вверх по кулуару ведет цепочка следов. Ага! Вот, кстати, и их лыжи возле камня. Значит, они здесь все-таки проходили. Не исключено, правда, что следы в кулуаре сохранились еще со вчерашнего подъема, но мне-то, по большому счету, без разницы, кто оставил мне этот подарок. Следы на склоне, как готовые ступени, обещают существенно облегчить мне подъем, да и чисто психологически идти будет немного легче. Ну что ж, еще один аргумент в пользу моего плана.

Не заметив веских причин для отказа от задуманного плана, привожу себя в боевое положение. Втыкаю лыжи в снег, надеваю кошки и страховочную систему. Ледоруб у меня хороший, воронежский, но сразу он мне вряд ли понадобится, и я, вщелкнув привязанный к нему

репшнур в карабин страховочной системы, временно пристраиваю его сбоку на пояс. В завершении всего надеваю поверх анораки красную пуховую безрукавку – здесь, в тени под горой, значительно прохладнее, чем на освещаемой солнцем глади озера. Снова надеваю рюкзак, беру в руки лыжные палки. Все, теперь можно и наверх! Задрал голову, еще раз окидываю взглядом предстоящий путь. Ничего страшного, успокаиваю я себя, склон не слишком крутой (в среднем 40°, судя по описанию), да и перепад высот всего метров 500–600, не больше. Впрочем, «всего» – это еще как посмотреть... Представьте себе, что вам предложили подняться на самый верх стотридцатизэтажного небоскреба, да не на скоростном лифте, а на своих двоих.

На каком, интересно, этаже, вы окончательно положите язык на плечо? На тридцатом? На сороковом? То-то же... Вот вам и «всего» 500 метров! Так ведь это еще – по надежной удобной лестнице с перилами, в тепле и сухости...

В горах, конечно, никаких лестниц не предусмотрено, но упомянутые выше следы вполне можно использовать себе во благо. Вообще, драматизировать ситуацию не стоит – здесь, по хорошему, часа на два интенсивной работы, прикидываю я. Не больше. И, осторожно ступая по следам предшественников, начинаю подъем по маршруту.

Кулуары – протяженные и довольно крутые корытообразные расселины, тянущиеся от вершины горы к ее подножию – служат естественным путем для схода снежных лавин и скатывания камней. В этом и заключается основная опасность кулуарных восхождений. Во всем остальном это, как правило, довольно удобный и логичный путь подъема. Правда, даже если на тебя ничего не летит сверху, следует быть начеку, чтобы не улететь вниз самому. Поскольку по кулуару могут с легкостью скатываться не только камни и лавины, но и люди. И если, ненадолго поскользнувшись на ледовом или фирновом участке, вовремя не затормозить, зарубившись в склон, можно разогнаться в кулуаре так, что последствия будут самыми плачевными. Именно при таких обстоятельствах, за три года до описываемых событий, в Западном кулуаре на горе Сабля (Приполярный Урал) погибла девушка. Правда, ее положение усугубило еще и то, что, не успев воспользоваться ледорубом, она пыталась тормозить «кошками», в результате чего ее развернуло вниз головой. Так она и летела по тому кулуару – из-под вершины аж до самого карового озера...

Вообще, тема нелепых смертей в горах требует особого разговора. Дело в том, что горы, отнимающие людские жизни, выглядят порой весьма безобидно. Помню, во время поездки в Приэльбрусье я очень удивился, когда таблички в память о погибших стали попадаться нам уже на подходах к одному из перевалов! А тот проклятый склон на Собском перевале (Полярный Урал), где в конце октября 1988 года разом погибло пятнадцать человек – разве выглядел он таким уж лавиноопасным? Да и тот случай на Сабле – ходил я потом по этому маршруту – ну, не смотрится Сабля оттуда горой-людоедом! Хотя, если посмотреть с другой стороны, человек на восхождении выглядит столь ничтожно-маленьким по сравнению с Горой, что за него невольно становится боязно. Человек – существо крайне непрочное, много ли ему надо? Упал со скалы камешек размером с телевизор – и нет человека. Дело случая... От погоды, конечно, тоже зависит многое. Однако еще большее, я думаю, зависит от самого человека. Горы – штуки большие и твердые; людям они, по большому счету, враждебны, и панибратство по отношению к себе терпят до поры – до времени.

Памятуя обо всем этом, я старался быть осторожным, и темп восхождения не форсировал. Довольно скоро крутизна склона достигла обещанных сороку градусов и лыжные палки пришлось оставить. В ход пошел ледоруб. Как ни странно, несмотря на возросшую крутизну, лезть стало легче. Дело в том, что возможность контакта со склоном всеми четырьмя конечностями позволила несколько разгрузить подуставшие ноги. Между прочим, сольное восхождение имеет то преимущество, что тебе не надо подстраиваться под чужой темп. И изображать из себя «супера», когда тебе от усталости хочется сдохнуть на месте.

Вскоре цепочка следов, по которым я поднимался, ушла траверсом направо, к маршруту ЗБ. Ладно, будет время – на обратном пути заверну к ребятам, посмотрю, как они там? А пока продолжаю двигаться вверх. Теперь уже приходится делать ступени самому – вчерашние следы почти полностью замело снегом. Темп восхождения несколько замедляется, отдыхать приходится все чаще. Но ничего. По моим прикидкам, половину пути я уже прошел, чувствую себя хорошо, погода шепчет – значит, скоро буду наверху. Главное, не совершить напоследок какой-нибудь глупости. А в целом Лавинный кулуар пока выглядит достаточно гостеприимным. Правда, снег в нем довольно глубокий, но сильных снегопадов в последнее время не было, так что не похоже, чтобы на меня собиралась сойти лавина. Да и, соскользни я вниз, вряд ли по такому снегу улечу далеко. В худшем случае, сломаю себе чего-нибудь, но разбиться насмерть – это вряд ли.

Несколько смущает обозначенная в описании «пробка» в верхней части маршрута. Пролезу ли я там в одиночку? Впрочем, Шура о каких-либо проблемах мне не сообщал. Значит, не так уж все страшно. Да что я, в самом деле, каменюку какую-нибудь не пролезу? Со сдержанным оптимизмом лезу дальше. Что это там впереди? Ага, наверное, та самая «пробка»! Сейчас, подберусь поближе, и тогда уж посмотрим, как ее пройти. Прелезаю еще пару десятков метров, и... Что такое? Неужели – все?!

Так и есть. Я, оказывается, уже почти на вершине. Становлюсь на самостраховку и, задрав голову, осматриваюсь. Кулуар здесь разделяется на три коротких, напрочь забитых снегом крутых рукава, ведущих на вершинное плато Вудъяврчорра. По вертикали до него не больше десяти метров, но попробуй туда вылезти! Сунулся в центральный рукав – бесполезно, снегу там по шею, не пролезть. Левый тоже не внушает оптимизма. Любопытно, а как же выходили здесь на вершину вчера? Пробую пройти правым. Здесь дела идут лучше. Причудливой спиралью он, наконец, выводит меня наверх. Все! Я сделал это! Теперь надо мной только голубое небо, даже легкие облака – и те колышутся где-то сбоку!

Чувствуя себя немножко Рейнхольдом Месснером⁴, одиноко брожу по вершинному плато в поисках тура. В конце концов, так его и не найдя, привязываю записку в пакете к единственному обнаруженному артефакту – громоздкой металлической треноге. Затем расчехляю «Зенит» и, установив его на эту самую треногу, пытаюсь, используя автоспуск, сфотографировать сам себя. Каждый раз затвор срабатывает, когда я еще не успеваю принять подобающую случаю горделивую позу, и вид у меня получается довольно дурацкий (впрочем, узнаю я об этом только дома)...

Вообще-то, у альпинистов не принято подолгу задерживаться на покоренных вершинах – погода в горах вещь переменчивая, да и времени на спуск может не хватить. Но здесь я позволил себе чуть ли не целый час взирать на мир сверху вниз. Чувствовал, что в следующий раз так с погодой мне уже не повезет. Ведь в прошлый раз ни зги не видно было! Ходил, фотографировал, наслаждался пейзажами – они здесь, как я уже говорил, роскошные. Впрочем, с километровой высоты на что угодно смотреть интересно!

Куда ни глянь, кругом красотища! Самые эффектные виды открываются, конечно, на севере – там разворачивается величественная панорама озера Малый Вудъявр и его окрестностей. На востоке, за скальными подковами Вудъяврчорра, просматриваются рудники Куки-свумчорра, откуда регулярно доносятся отголоски довольно мощных взрывов – стало быть, работы там ведутся полным ходом. На юге и западе – там, где вершинное плато переходит в сравнительно пологий спуск – сплошная, залитая солнцем ослепительная белизна; без темных очков в эту сторону сейчас лучше и не смотреть. Даже в очках разглядеть там что-либо сложно,

⁴ Месснер, Рейнхольд – итальянский альпинист из Южного Тироля, в одиночку покоривший все 14 гималайских «восьмитысячника» – *прим. авт.*

на сплошном белом фоне вдали видны разве что сверкающие на солнце участки оголившегося льда на озере Имандра. Но, все равно, красиво!

Лукавят те, кто говорят, что спуск с горы сложнее, чем подъем. Такое, может быть, еще случается, когда силы на исходе или погода резко испортилась. Спускаться лазанием со скалы по пути подъема тоже проблемно, потому что толком не видно, куда ставить ногу. А во всех остальных случаях спуск-довольно приятное занятие. Бежишь себе вниз, налегая на пятки, а на безопасных участках можно по снегу сотню-другую метров и на пятой точке съехать! Такое у нас частенько практикуется.

Таким, или примерно таким, способом я довольно быстро достигаю ответвления на маршрут ЗБ. Ну, что ж, времени у меня теперь – вагон, можно и до наших «суперов» прогуляться. Иду траверсом, отмечая про себя, что ребята все-таки здорово рисковали подрезать склон. Чтобы подобное не случилось со мной, стараюсь как можно точнее попадать в их следы. Если этого не делать, то склон, как пить дать, окажется подрезанным, и я имею все шансы улететь вместе с оторвавшейся снежной доской – благо, есть, куда лететь! Однако все заканчивается благополучно, и я подхожу к подножию верхней башни маршрута. Почти сразу же замечаю на ней Мальцева и страхующего его Пол Абдулыча. Пролезли они, однако, еще совсем недалеко, так что с ними даже разговаривать пока можно, почти не повышая голоса. Чувствуется, что к делу они решили подойти ответственно и обстоятельно, так что быстрого результата здесь ждать не приходится. Сообщаю им о своем «беспримерном» соло. Они, надо отдать им должное, отнеслись к этому, как к само собой разумеющемуся, тем более, что победителей у нас, как известно, не судят.

Подмывало поведать кое-какие подробности, но, откровенно говоря, чувствовалось, что им там сейчас несколько не до меня: как раз в это время Мальцев пытался пролезть по какой-то обледеневшей трещине. Понимаю, что отвлекать отважных восходителей на разговоры в столь ответственный момент не слишком-то уместно. Тем не менее, интересуюсь, выходили ли они в урочный час на связь с Шурой. «Какое там! – говорят, – Ну, видели, бегал он там внизу, антенну натягивал...» «Да, но он-то вас не видел!» «Знаешь, нам тут на стене тогда совершенно не до радиции было!» Охотно верю: «Карат» в плане удобства пользования, далеко не сотовый телефон и даже не милицейские «уоки-токи». И все-таки... Думается, можно было бы и придумать что-нибудь такое, чтобы дать Шуре о себе знать. Это ведь только они могли его увидеть на сверкающих белизной снежных склонах, а ему-то их среди скал нипочем не разглядеть было с такого расстояния! А тут я еще води-ночку на гору поперся... Словом, теперь у нашего товарища определенно появился законный повод для беспокойства, и это было нехорошо. Пожелав покорителям башни вагон удачи, я поспешил вернуться в кулуар и резво побегал вниз, не забыв прихватить по пути оставленные в нижней части маршрута лыжные палки.

В лагерь спустился, когда озеро уже целиком накрыла тень от только что взятой мной горы. Погода продолжала оставаться приятной, что, в целом, соответствовало моему настроению. Однако к окрыляющему ощущению одержанной победы примешивалось, как ни странно, чувство легкого разочарования. Как-то уж больно легко мне дался этот подъем! Не то, чтобы я был расстроен этим обстоятельством (в принципе, я находился тогда в неплохой физической форме), но, признаться, ожидал, что гора даст мне более серьезный бой. Как-никак, категория у маршрута 2А – а тут даже его ключевой участок оказался пройденным так, что я его практически не заметил! Конечно, надо учитывать, что это – Заполярье, конечно, я понимал, что мне сегодня просто здорово повезло с погодой и снежной обстановкой (буквально через несколько дней Паша с Серегой в том же кулуаре уже скакали, как зайцы, уворачиваясь от то и дело сходящих сверху лавин), но, тем не менее, тогда у меня возникло ощущение, что маршрут этот оказался все же несколько переоцененным⁵. Впрочем, это мое чисто субъективное мнение...

⁵ Такой же категорией трудности (2А) оценивается восхождение на Восточную вершину Эльбруса от «Приюта одинна-

Но, как бы то ни было, дело было сделано, причем как нельзя более успешно. Обретя, таким образом, уверенность в своих силах, отныне я мог небезосновательно рассчитывать и на большее. Вот этот-то вопрос мы и обсуждали вечером с Шурой Тумановым. Шура после вынужденного отдыха буквально бил копытом и рвался в бой, однако поле этого боя нам еще только предстояло определить. А поскольку все ближние маршруты устраивающей нас степени сложности были уже пройдены, решено было обратить взоры на отстоящий в нескольких километрах от нас Западный цирк массива Тахтарвумчорр.

В очередной раз тщательно изучается раздобытая Мальцевым еще в Ухте брошюра О. И. Шумилова о Хибинах, 1995 года издания (свежак!). Книжка эта, содержащая, в частности, схемы и довольно толковые описания пройденных в Хибинах командой Шумилова маршрутов, действительно сослужила нам тогда добрую службу, хотя и содержала некоторые спорные, на мой взгляд, тезисы. Так, словно испытывая некоторую неловкость за небольшую абсолютную высоту здешних гор, автор – очевидно, с целью поднятия престижа горного района в глазах читателя – уверяет, что километровая высота в Хибинах воспринимается человеком примерно так же, как три тысячи метров на Юге. Следуя этой логике, можно предположить, что, если бы Хибины имели высоту не километр с небольшим, а километра три-четыре, то на них в пору было бы вообще с кислородом ходить?!

Ну, откуда, скажите на милость, появился этот навязчивый миф о пониженном содержании кислорода в атмосфере высоких широт? С чего это вообще взяли?! Объемная доля кислорода в воздухе под открытым небом (20,95 %) – одинакова хоть в Африке, хоть на Северном полюсе, это неопровержимый научный факт. Даже присутствие в районе промышленных гигантов не в состоянии сколь-нибудь существенно поколебать эту величину (хотя содержание вредных примесей в таком воздухе может оказаться запредельным). Другое дело, что общее количество кислорода в воздухе естественным образом зависит от атмосферного давления (то есть, от количества самого воздуха). Иными словами, в зоне циклона, когда давление меньше и воздух чуть более разрежен, с каждым вдохом в легкие кислорода будет поступать немного меньше, чем при обычной погоде. Однако, даже несмотря на то, что циклоны частые гости на Кольском полуострове, уверяю вас, что этого недостаточно, чтобы вызвать у здорового человека ощущение пребывания на высокогорье. Не говоря уж о том, что циклоны бывают и в тропических широтах, да такие, что нам, северянам, и не снились – тайфуны называются. А в остальном, могу сказать одно – Север и без того достаточно суровая вещь, чтобы навешивать на него еще и этот мнимый грех!

Паша с Сергеем Леонидовичем спустились вниз часа через два после меня, сообщив, что маршрут оказался довольно сложным, поэтому, видимо, придется часть его обрабатывать не снизу, а... сверху. Смысл этой оригинальной затеи заключался в том, что, используя более легкие пути подхода (тот же Лавинный кулуар), они могли подойти к подножию верхней башни, а уж нижнюю башню (самый сложный участок маршрута 4Б) вполне можно было обработать, спускаясь оттуда по веревке на «восьмерке»⁶ и заколачивая по пути в нужных местах крючья либо оставляя «закладки»⁷ – словом, делая все, чтобы максимально ускорить и обезопасить последующее восхождение. Этим они, в основном, и занимались в течение последующих дней, каждый вечер спускаясь вниз, чтобы с комфортом переночевать в палатке, а затем каждое утро,

дцати», а это семь часов «пилежки» по леднику на довольно приличной высоте (хотя и не очень крутой. Подъем же на Килиманджаро (5895 м) и вовсе тянет согласно классификатору всего на 1Б! – прим. авт.

⁶ Деталь альпинистского снаряжения, обеспечивающая равномерность проскальзывания веревки во время спуска и при организации страховки; по форме напоминает цифру «8». – прим. авт.

⁷ Закладной элемент – призматический стопор из металлического сплава с тросиком и петлей, закладываемый в скальную трещину для устройства искусственной точки опоры либо организации страховки – прим. авт.

как на работу, уходя обратно на стену – такая вот, почти что гималайская⁸, тактика. Словом, неплохо ребята устроились.

За свой невыход на связь они, разумеется, принесли Шуре самые искренние извинения, но тот все равно какое-то время продолжал на них дуться. И, надо сказать, в душе я был с ним солидарен.

Между прочим, в этот день исполнилась ровно неделя, как мы выехали из Ухты. Надо же, всего неделя – а уже сколько приключений!

Зигзаг удачи

И все же, несмотря на то, что я стремительно набирал форму, а организм мой, наконец, окончательно адаптировавшись к походному ритму жизни, работал, как часы, на следующее утро мне показалось, что от восхождений пора немного отдохнуть. Но отдых этот не предполагал безделья! Прежде всего, мы с Шурой решили тщательным образом обследовать окрестности к западу от лагеря – район планируемого восхождения.

Горный массив Тахтарвумчорр круто обрывается на северо-восток двумя величественными скальными подковами, именуемыми на альпинистском жаргоне «цирками». У подножия Восточного цирка, располагающегося напротив озера, как раз размещался наш лагерь. Его главная достопримечательность – Откол, подъем на который через перевал Географов я достаточно подробно описал в одной из предыдущих глав. Имелся, правда, туда и другой маршрут – прямо в лоб, по семидесятиградусному кулуару, который два дня назад, когда я имел удовольствие заглянуть в него сверху, показался мне вообще почти отвесным.

Настоящая, без всяких натяжек, категория ЗБ, но это было во всех смыслах крутовато не только для меня, но даже и для Шуры.

Западный цирк, более удаленный от лагеря, предлагал нашему вниманию очень даже симпатичный маршрут 2А, и Шура Туманов сразу, что называется, положил на него глаз. Здесь подъем на гору предполагался по кулуару под названием «Зигзаг» со средней крутизной 45 градусов с общим перепадом высот на маршруте порядка 600 метров. Вот это нам уже вполне по зубам! Чувствуется, правда, что в техническом плане кулуар этот будет проходиться посложнее, чем Лавинный, но в связке, со страховкой, проблем, по идее, возникнуть не должно. Теперь остается только подойти под маршрут и все там как следует разведать.

Расстояния в горах-вещь обманчивая. Кажется, вот она, цель! – а все идешь, идешь, и конца этому не видно. И добро еще, если идти удобно, а если это сплошные косогоры? Вот и мы с Шурой, вместо того, чтобы спокойно двигаться по низам сквозь необременительно-жиденький лесок до самого взлета непосредственно перед Западным цирком, совершенно неоправданно сразу набрали метров сто высоты прямо от лагеря и затем мучительно долго поочередно траверсировали склоны обеих тахтарвумчорр-ских цирков. Даже заметив, что делаем что-то не то, мы так и не спустились вниз – жаба за набранные метры давила!

Еще издали было видно, что привлекавший нас кулуар полностью оправдывал свое название. Наискосок, слева направо врезаясь в тело горы в ее нижней части, выше он закладывал лихой вираж и на вершину выходил уже справа налево, причем смена направлений было столь резкой, что верхняя часть маршрута оказывалась скрытой за скальными уступами и рассмотреть ее можно было только подойдя непосредственно под сам маршрут и даже немного поднявшись по нему! И мы упорно продвигались вперед, не сводя глаз с заветной цели.

Вблизи кулуар Зигзаг понравился мне еще больше. В отличие от грубовато-мощного Лавинного кулуара, Зигзаг, благодаря своему причудливому изгибу, был невыразимо, летяще

⁸ Гималайская тактика восхождений отличается «пилообразным» графиком с периодическими спусками в базовый лагерь на отдых. – прим. авт.

грациозен, обладал какой-то особой кокетливой утонченностью, словно девица на выданье. Задрав головы, мы продолжали подбираться все ближе, однако по-прежнему никак не могли рассмотреть, что же ждет нас там, за поворотом. Пришлось, оставив рюкзаки и лыжи, приступить к довольно продолжительному подъему по крутому снежному склону. И лишь забравшись достаточно высоко, практически до входа непосредственно в кулуар, нам удалось немного заглянуть вглубь его верхней части.

Убедившись, что кулуар, по крайней мере, проходим до конца, мы единодушно решили признать рекогносцировку успешно завершенной, после чего вернулись к оставленным внизу лыжам и быстро перебрались в другую часть цирка, где еще раньше Шура обратил мое внимание на обилие натечного льда, покрывавшего скалы. Теперь мы возвращались туда, чтобы провести ледовые занятия на наиболее подходящем для этого рельефе.

Здесь последует небольшой экскурс в прикладную гляциологию. Прежде всего, надо сказать, что лед, из которого состоят все многокилометровые ледники, покрывающие высочайшие горные вершины – это далеко не то же самое, что лед на какой-нибудь замерзшей речке. Прежде всего, потому что образуется он не при замерзании воды сразу в соответствующем объеме, а из выпадавшего на рельеф снега, в случае, если последний не успевает растаять в теплый период года. Образование льда из снега – процесс длительный и сложный. Вначале образуется так называемый фирн – крупнозернистый, сильно уплотненный снег, который, собственно, снегом уже не является, но и до состояния льда еще не дотягивает. Ну, а еще через несколько лет из него получается уже вполне монолитный фирновый лед – однако от привычного нам льда, именуемого у альпинистов «натечным» (пример такого льда – обыкновенная сосулька) он все-таки здорово отличается. Во-первых, он практически непрозрачный, а во-вторых, в отличие от хрупкого натечного льда, обладает известной вязкостью, что, в целом, и обеспечивает такое интересное явление, как текучесть ледников. Это второе обстоятельство, в частности, значительно облегчает альпинистам жизнь при завинчивании в тело ледника ледобуров, а также пользование «шакалами»⁹ и «кошками» при передвижении по нему.

Так вот, таких классических ледников в Хибинах нет! А что же есть? А есть вот такие симпатичные ледяные стенки (кстати, как и замерзшие фонтаны в долине, тоже красивого голубого цвета), образовавшиеся в результате сезонного замерзания водных потоков, стекающих прямо со скальных обрывов. Но это – типичный натечный лед, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Клюв ледоруба, вместо того, чтобы намертво застревать во льду, все время норовил отколоть от него кусок и вывалиться наружу, ледобуры завинчивались со скрипом, причем вокруг них сразу же начинали образовываться предательские трещины – словом, лед всюю проявлял свою подлую хрупкую сущность. Тем не менее, нам все же удалось изобразить на ледовой стенке вполне приличную станцию страховки и даже успешно испытать ее на прочность, для чего я, пристегнувшись к ней через карабин, просто бросался вниз по склону, имитируя внезапный срыв. Впрочем, при этом я абсолютно ничем не рисковал – в худшем случае, я просто ткнулся бы мордой в глубокий снег в метре под собой. Однако страховка сработала надежно, чему я был, признаться, даже несколько удивлен.

Словом, день прошел с очевидной пользой. Что же касается Пол Абдулыча с Сергеем Леонидычем, то эта бородатая парочка продолжала усиленно долбить свою башню в надежде через пару дней покончить с этим нудным занятием.

Утро вторника 26 марта выдалось менее погожим, чем мы рассчитывали, но вполне приемлемым для совершения восхождения. Пелена облаков и сыплющийся из них мелкий снежок, по большому счету, никаких проблем пока не представляли, за исключением того, что могли помешать нам наслаждаться видами с вершины. Правда, в случае, если снегопад этот затянется

⁹ Альпинистское снаряжение, облегченная разновидность ледоруба. – прим. авт.

надолго или, чего доброго, усилятся, в кулуарах могла создасться лавиноопасная ситуация, и мы это, конечно, учитывали, однако в целом обстановка была достаточно благоприятной.

Не повторяя вчерашней ошибки, мы с Шурой низами довольно быстро продвинулись под маршрут и, сбросив лыжи, приступили к подъему. Все было в порядке, но нас сразу несколько озадачили два крошечных темных пятнышка, видневшиеся на снегу у самого входа в кулуар. Картина эта издалека чертовски напоминала карабкающуюся вверх связку. Вот только характерной цепочки следов за ними почему-то не наблюдалось. Впрочем, в такую погоду следы замечает быстро... «Я что-то не понял, Тумыньцзян¹⁰, – поделился я своими сомнениями с Шурой, – Ну-ка, глянь: это там, наверху – камни, или действительно какие-то друзья по кулуару лезут?!» Туманов устремил взгляд в том же направлении, но разобрать что-либо с такого расстояния сквозь снежную пелену было невозможно.

«А кто тут может быть?» Вообще-то вероятность застать здесь кого-либо еще при попытке совершить восхождение, была весьма невелика. Дело в том, что Хибинцы, как известно, всегда пользовались широкой популярностью не столько у альпинистов, сколько у любителей горного туризма. А эта публика ходит сугубо по перевалам и в разные там кулуары предпочитает не соваться. И действительно, подобравшись поближе, мы отметили, что для живых восходителей «друзья» ведут себя, пожалуй, чересчур пассивно. В конечном итоге они оказались всего-навсего выглядывающими из-под снега участками скал – в тот день на склоне мы были все-таки одни.

О том восхождении я всегда вспоминаю с удовольствием. Маршрут был пройден, что называется, с песней: на едином дыхании, безукоризненно четко и грамотно. Лидировали по очереди, периодически меняясь и сохраняя тем самым высокий темп, даже несмотря на то, что средняя крутизна склона была здесь заметно выше, чем в Лавинном кулуаре (45° по описанию), из-за чего часть маршрута проходила чуть ли не на передних зубцах кошек, а на одном участке Шуре вообще пришлось пустить в ход «фифы»¹¹.

А вот с погодой нам тогда повезло не вполне. Зарядивший с утра снегопад даже не думал прекращаться, и в лицо нам то и дело сверху по кулуару съезжали порции свежего снега, такие своего рода микролавинки, что было не слишком-то приятно. Сами по себе они никакой опасности не представляли, однако совершенно определенно давали понять, что если дело так пойдет и дальше, то у нас есть все шансы дожидаться лавины настоящей, а деться от нее здесь, в узком кулуаре, нам будет решительно некуда. Единственным способом обезопасить себя в сложившейся ситуации, было как можно быстрее подняться наверх. Поэтому мы, не сговариваясь, прибавили ходу. Вскоре был пройден поворот кулуара и, зайдя за угол, мы оказались в сплошном окружении угрюмых серых скал. Отсюда уже открывался прямой путь на вершину.

Выход из кулуара был основательно замечен снегом, и мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы кое-как пробиться наверх. Следом вылез на вершинное плато и Шура. Увы, как и ожидалось, полюбоваться видами отсюда нам было не суждено – долина и горы вокруг утонули в непроглядной белой пелене. А вот засыпанный снегом тур, обозначающий конец маршрута, удалось отыскать почти сразу. В туре я обнаружил вложенную в пустую консервную банку записку предыдущей группы, поднявшейся здесь раньше. Взамен оставляем послание уже от нас. Вот теперь все, можно и вниз. Гулявший наверху пронизывающий ветер не очень-то способствовал длительному пребыванию здесь.

Вопрос только, каким путем спускаться. По пути подъема, или с горы есть более простой и безопасный путь? Во всяком случае, наши предшественники, как явствует из записки, спустились не по Зигзагу, а по некоему кулуару Акваланг. Правда, в брошюре Шумилова ни про

¹⁰ От китайского названия пограничной реки Туманная на Дальнем Востоке. – прим. авт.

¹¹ От искаженного «айс фи-фи» – название ручных приспособлений для преодоления отвесных ледово-снежных участков. – прим. авт.

какой «Акваланг» не говорится; возможно, этот путь действительно проще, но где прикажете его искать? Да еще в такую погоду? Снизу-то, откровенно говоря, никаких простых спусковых троп на скальных обрывах Тахтарвумчорра не просматривалось... Короче, решаем не мудрить и спускаться по пути подъема. Там, по крайней мере, все знакомо.

Если во время подъема мы старались не делать лишних телодвижений и вообще вести себя как можно аккуратнее, чтобы ненароком не подрезать склон и не спровоцировать сход лавины, то в начале спуска тактика была диаметрально противоположной. Точно зная, что в Зигзаг за нами больше никто не сунулся, я попросил Шуру подстраховать меня и сиганул в кулуар, всей тяжестью обрушившись на обрамлявший его снежный карниз, рассудив, что если здесь и суждено сегодня сойти лавине, то пусть она, по крайней мере, сделает это до нас. Обломки карниза заскользили вниз, однако никакой цепной реакции это не вызвало. Раз так, значит, и мы сможем пройти.

Бодренько сбегать вниз, развернувшись лицом в полевую сторону или, тем более, безмятежно скользить вниз на пятой точке здесь было чревато из-за довольно приличной крутизны и извилистой формы кулуара. Случись что – и вы гарантированно въезжаете с разгона прямо-хонько в скалы на его повороте. Поэтому, несмотря на некоторую эйфорию после удачного подъема, спускались мы не торопясь, на самых крутых участках поочередно страхуя друг друга через воткнутый в склон ледоруб. Так постепенно прошли изгиб кулуара, после чего перед нами вновь открылся вид на лежащую далеко внизу долину. Чуть погодя, спустившись еще на пару сотен метров и миновав все мало-мальски проблемные участки, мы уже могли позволить себе некоторые вольности и остаток спуска, до самых оставленных внизу лыж, проделали практически бегом, с удовольствием вгоняя пятки в глубокий мягкий снег...

Вечером, когда мы принялись весело делиться впечатлениями с Серегой и Пашей, выяснилось, что им в тот день тоже было по-своему весело. Дело было в том, что из-за непрекращающегося снегопада Лавинный кулуар, по которому они каждый раз, экономя силы и время, выбирались на середину своего маршрута, принялся усиленно оправдывать свое название. В результате чего ребята пару раз были вынуждены в буквальном смысле скакать, как зайцы, уворачиваясь от пусть небольших, но довольно опасных лавин! Ощущения, которые они испытывали при этом, были, по их словам, достаточно острыми. Впрочем, как бы то ни было, маршрут был ими уже практически полностью пройден. Окончательную же точку всей этой затянувшейся эпопеи было намечено поставить завтра.

Чистая среда

Три категорированных восхождения за четыре дня – о таком темпе можно было только мечтать! До заветного разряда оставалось всего-навсего пройти еще один маршрут, но уже более сложный – категории 2Б. Таковой маршрут, неизвестно почему носивший странное название «Рога», имелся как раз неподалеку, на Тахтарвумчорре, про него нам рассказывал еще Никита, но... Что-то не лежала у меня душа сразу лезть к черту на рога – вот не лежала, и все! Под маршрутом мы, конечно, побывали, не поленились, но... решили отложить все это до лучших времен. Не то, чтобы он каким-то чересчур сложным показался – похоже, у нас просто наступило некое пресыщение горами. Да и чисто внешне этот маршрут не смотрелся, что ли. В итоге сработало (может, и к лучшему) мудрое правило «хорошего понемножку». Что же касается своего разряда, то, в силу различных причин, я закрыл его лишь через четыре года, причем в совершенно других горах.

Итак, наша программа восхождений в Хибинах была практически исчерпана. Паше и Сереге оставалось пролезть последнюю часть маршрута и снять с башни веревки – это на полдня работы. Ну, а мы с Шурой и вовсе решили устроить себе маленький праздник и закатиться

в баню, дабы привести себя в божеский вид и расслабиться после напряженно проведенных последних дней.

До боли знакомым маршрутом мы сразу после завтрака пересекли на лыжах озерную котловину, перевалили замыкающую ее с востока гряду и скатились вниз к ботаническому саду. Лыжи, как водится, прячутся в подвал заснеженного недостроя, затем следует полуктора-километровый пеший марш до автобусной остановки. Погода неважная, дует пронизывающий ветер. В чистом поле довольно неуютно, в горах, полагаю, тоже. А вот поди ж ты, кому-то и такое в кайф! «Молодые люди, скажите, пожалуйста, как дойти до перевала Географов?» – это две тетки на беговых лыжах идут нам навстречу. Объясняю, но, вспоминая свое первое восхождение через этот самый перевал, считаю своим долгом предупредить, что для них подъем туда на лыжах может оказаться чересчур крутым, тем более в такую погоду. Тетки с пониманием кивают головами, но от планов своих, судя по всему, не отказываются. Что ж, флаг им в руки!

Вот и поселок «25-й километр». Странно, но даже вид его неказистых пятиэтажек почему-то вызывает ощущение того, что наш нехитрый походный быт, ставший за последнее время столь привычным, на самом деле уже успел порядком поднадоесть. Остро захотелось хоть какой-то цивилизации. Во всяком случае, мысль о жарко натопленной парной и пиве с копченой рыбой, вернее, об очевидной реальной близости и доступности всего перечисленного, наполняет душу сладостным томлением. Вот уже и Кировск. Здесь нам для начала нужно взять обратный билет для раскаявшегося «отказника» Туманова. В этом деле нам везет, Шура поедет вместе с нами. А вот теперь, на радостях – прямиком в баню! Еще немного, еще чуть-чуть...

О, судьба-злодейка! За что?! Не веря в происходящее, я еще и еще раз дергаю дверь бани... Бесполезно, заперто. Проклятье! Что же это делается, граждане? Какой идиот додумался устраивать здесь выходной в среду? А ведь общественная баня в Кировске только одна, вот эта самая, и идти больше некуда. Знакомых в городе нет. Значит что же – и жаркая парилка, и сладкая истома в предбаннике после ушата ледяной воды, и добрый глоток холодного пива, словом, все, о чем мы так мечтали – накрывается медным тазом? И нам придется возвращаться назад с несолоным, так сказать, хлебом? Положение и впрямь представлялось безвыходным.

Чувствуя себя оскорбленными в лучших чувствах, нерешительно топчемся возле здания бани. Что было делать? Дяденька Мойдодыр ехидно демонстрировал нам свою тыльную часть, озабоченные своими делами угрюмые прохожие безучастно брели мимо, и лишь Сергей Мионович Киров жизнеутверждающе простирали бронзовую длань куда-то в соседний переулок... Внезапно в голове у меня сверкнула искорка надежды. «Не бойсь, Шура! Едем в Апатиты. Там тоже должна быть баня!»

Вообще-то, сие было еще далеко не факт. Например, наша родимая Ухта, город населением поболее, чем Апатиты, в те годы своей общественной баней не располагала вовсе. Опять же, никто не гарантировал, что это богоугодное заведение, так же, как и в Кировске, не окажется закрытым на выходной или еще какой-нибудь ремонт. Но ничего другого, как поехать туда и лично во всем удостовериться, нам уже не оставалось.

Баня в городе Апатиты, к счастью, наличествовала. Более того, она удачно располагалась буквально на въезде со стороны Кировска, в пригородном поселке Белореченском. И, слава богу, была открыта. Войдя внутрь, мы оказались в просторном до гулкости, но немного темноватом холле. Было там лишь немногим теплее, чем на улице, что несколько удивило. Та же тенденция прослеживалась и в дальнейшем. Температура в раздевалке здесь примерно соответствовала прихожей бани в Кировске, в моечной было, пожалуй, даже прохладнее, чем в нормальной раздевалке, ну, а в парной было лишь чуточку жарче, чем в обычной моечной. Несмотря на все усилия, довести в ней пар до хоть сколь-нибудь приемлемых кондиций нам так и не удалось.

Несмотря на изрядные размеры, сей храм чистоты оказался почти безлюден. Судя по всему, в отличие от своего кировского соседа, он не пользовался особой популярностью у местного населения. Понять его можно – мерзнуть, завернувшись в простыню, с таким же успехом можно и дома. И вообще, здесь было как-то неуютно. Однако выбора у нас не было и пришлось старательно пытаться ловить кайф с того, что есть. Что касается Шуры, то ему и вовсе сравнивать было не с чем, ибо в общественных банях он по жизни бывал нечасто. Поэтому он, в целом, остался доволен, хотя и обратил внимание на не вполне уместную здесь прохладу. «Это еще что! – утешил я его, – Вот когда мы с Мальцевым в прошлом году на Полярный Урал в балки под Динозавром ходили – вот там действительно было прохладно!»

Реквием Бане (лирическое отступление)

О! Когда-то ты была красой и гордостью всего Рай-Иза! Нелепей и желаннее тебя не встречал я на своем жизненном пути, и уже вряд ли встречу!

В те далекие годы возвышалась ты на крутом берегу прозрачного, как слеза, горного ручья с дурацким названием Нырдовоменшор, неизменно потрясая проходящих мимо туристов редкостной убогостью дизайна и полной своей функциональной никчемностью. Особенно в зимнее время, которое в горах Заполярья, как известно, длится месяцев девять. Ибо, наспех сколоченная из горбыля и кое-где обтянутая рубероидом, имела ты в тонюсеньких стенах своих щели знатные, коих было столь много, что тепло ты держала немногим лучше, чем клетка из проволочной сетки. Плюс вечная проблема дефицита топлива – леса-то здесь никакого нет, а в изобилии одни лишь камни!

Но наплевать было нам на все эти обстоятельства! Был месяц май, погода стояла прекрасная, солнечная и всего-то чуть ниже нуля, и белоснежные вершины красиво вырисовывались на фоне синего неба... И было нас тогда, в разгар туристического сезона (вот диво!), всего двое на все ущелье – я и Серега Мальцев. И изо всех сил хотелось нам чего-то чистого и прекрасного!

«Чистое и прекрасное», устремив в небеса ржавую прохудившуюся трубу, стояло неподалеку, в сотне метров от двух обшарпанных балков, где мы расположились, и имело столь же неказистый вид. Что ожидали мы увидеть, войдя внутрь? Может быть, большую кучу в углу? Кто знает, кто знает... Но увидели мы там безупречно чистый пол, удобную деревянную скамейку, обложенную булыжниками железную печку и даже... две настоящие банные шайки, аккуратно расставленные на скамейке! И, хотя водруженная на печку двухсотлитровая железная же бочка была вместо воды на добрую треть забита льдом (что, вообще говоря, с учетом всего прочего, ставило под сомнение принципиальную возможность когда-либо увидеть ее заполненной мало-мальски горячей водой), решение я принял, не задумываясь: бане сегодня – быть!

И вот мы уже кайлом выковыриваем из-под снега Бог знает когда завезенные сюда куски угля, пускаем на распыл доски какой-то полуразобранной развалюхи и мучительно долго пытаемся заставить все это гореть в убогой печурке. А гореть там ничего не хочет, поскольку тот же самый умник, что не догадался слить воду из бочки, как выяснилось, накрыл трубу сверху какой-то увесистой железякой, которая по его разумению, должна была заменить несуществующую шибберную заслонку... В стенах затыкаются самые наглые дыры. Затем начинаются челночные рейсы на ручей – по воду, при этом в качестве ведер используются шайки.

Наконец, бочка оказывается примерно наполовину заполненной водой, налитой прямо поверх льда. На этом этапе Сергей Леонидович может позволить себе на какое-то время отлучиться, дабы всласть покататься по склонам на позаимствованных в Ухтинском спасотряде «ски-туровскими» лыжах, и вся тяжесть работ по протопке насквозь промерзших банных интерьеров ложится на мои плечи. Печка же, несмотря на небольшие размеры, оказывается весьма прожорливой, поэтому скромных запасов дров ей, естественно, не хватает. Приходится, как ни

восставало мое естество против того, чтобы топить ее углем, прибегнуть и к этому, не слишком экологичному, виду топлива. Баня сразу же наполняется ароматами вагонного тамбура...

Сколько времени требуется для того, чтобы протопить такую баню? Это так и осталось загадкой... Уже начало смеркаться, когда я сообразил, что поднять температуру в парилке выше комнатной мне, скорее всего, не удастся никогда, поскольку запасы топлива стремительно приближались к концу. Зато – и это было маленьким чудом – в нашем распоряжении было полбочки воды вполне даже сносной температуры!

Странная то была парилка... Стоя ногами в тазиках с горячей водой, чтобы ноги не мерзли к полу, мы с удовольствием отметили, что уже на уровне плеч было вполне тепло и даже чуточку жарко. А если плеснуть на камни ковшик воды, то она, как ни странно, в конце концов все-таки испарялась, наполняя баню стелящимся по полу густым туманом, а лица наши начинали улавливать дуновение едва ощутимой волны приятного влажного тепла... Мы не пеняли на вопиющую суррогатность всего происходящего. В конце концов, несмотря ни на что, нам все же удалось очень даже неплохо помыться, почти не ежась при этом от холода, а в горах и такое удовольствие дорогого стоит... Были у нас даже «веники» из карликовой березы, заготовленные Сергеем Леонидовичем прямо на месте, но я, едва их увидев, сразу заявил, что разрешу стегать себя этими пучками жестких негнущихся прутьев длиной в ладонь и толщиной в палец только по приговору народного суда, да и то еще подумаю.

Вот так мы и «парились», стоя по шею в тумане и не переставая удивляться тому, что задуманная нами банная авантюра все-таки удалась; и ни с чем не сравнимый восторг переполнял нас! То было сродни прикосновению к чуду... А наутро, восхитительно чистенькие и свеженькие, мы буквально взлетели на Динозавр, прошли траверсом обе его вершины, после чего еще ухитрились спуститься вниз на все тех же «ски-туровских» лыжах, которые мы прилежно тащили с собой!

Прошел год, и вот я вновь стремительно несусь к тебе, в очередной раз преодолевая 14 километров горной тундры, отделяющих тебя от ближайшей полустанка. Ибо группа наша отрядила меня, как самого быстрого лыжника, обогнать алчных воркутинцев, двигавшимся в том же направлении с целью первыми занять самый удобный балок, коих и было-то всего два на всю ораву. Я бежал изо всех сил. Я спешил. Я так спешил к тебе!

Разочарование. Боль. Отчаяние. Эти чувства не смог заглушить даже в целом удачный исход гонки за первенство в балках (с «передовым» воркутинцем мы пришли к финишу ноздря в ноздрю). Здесь все было, как всегда. И только тебя, подарившей нам когда-то ни с чем не сравнимую радость и обещавшей радовать нас в будущем, тебя – не было... Нет, тебя не разобрали на дрова, это было бы еще хоть как-то оправдано, нет, тебя просто бесцельно и безжалостно сожгли. Воистину, нет сердца у того, кто сделал это! Опустив голову, я молча стою возле груды обугленных головешек и ржавого железа, которая еще недавно была тобой, и рука моя тянется к шапке.

И не было нам погоды в тот поход.

Но это будет только через месяц после возвращения из Хибин. А пока я еще ничего не знаю. И говорю о тебе в настоящем времени...

Между прочим, под Апатитами выращивают даже клубнику, причем безо всяких парников – об этом мы тоже узнали в бане. Вот вам и Заполярье!

Прежде чем возвращаться обратно мы, наносим визит в ближайший к бане продовольственный магазин – одноэтажный кирпичный домик метрах в тридцати от дороги. Естественно, на глаза нам опять попадаются вездесущие «Золотые купола». «Хорошо бы «Золотых куполов» за копыта цапать!» – бормочу я под нос переделанную фразу из БГ, и пара литровых пачек вместе с прочей снедью немедленно переключивается в наши рюкзаки. Будет, чем порадовать Пашу с Серегой в связи с окончанием «гор-новосходительских работ». Одно смущало:

судя по маркировке, употребить сии «купола» надлежало до 28.03.96, то есть до наступления сегодняшней полуночи!

Конечно, в связи с незапланированной поездкой в Апатиты, мы действительно несколько выбились из графика, но все же не настолько, чтобы рисковать привезти друзьям просроченный продукт. Тем более, что, как я уже говорил, автобусное сообщение здесь сквозное, поэтому, сев на нужный автобус, можно без проблем прикатить напрямик на 25-й километр. Таким образом, в лагерь мы вернулись практически засветло.

– Ну, что, ребята? Как вы тут? Закончили с «четверкой» воевать?

В ответ лицо Сергея Леонидовича изобразило сложную смесь из радости после окончания долгих трудов и скорби из-за потери чего-то очень дорогого.

– А? Да, все, закончили. Веревки сняли, все спустили... – без особого восторга сообщил он, – Вот только Пол Абдулыч молоток скальный посеял.

– Поздравляем!!! А что там с вашим молотком?

Выясняется, что пропажа приключилась на последнем отрезке маршрута, где Паша лез вторым, то есть в его обязанности, помимо всего прочего, входило извлечение закладных элементов и выколачивание обратно ранее забитых страховочных крючьев. Выколачивал Паша их при помощи того самого скального молотка, репшнур которого почему-то оказался не закрепленным. Естественно, молоток при первом же удобном случае сделал Паше ручкой и с ускорением $9,81 \text{ м/с}^2$ усвистал вниз, к подножию башни, где и затерялся в бескрайних снегах. Во всяком случае, попытки его отыскать после спуска оказались безрезультатными.

Сочувствуя по поводу случившегося, высказываюсь, однако, в том плане, что для них отделаться потерей какого-то несчастного молотка, да еще в конце маршрута – это вполне побожески. Мальцев соглашается, хотя видно, что в душе его все еще гложет досада из-за нелепо утраченного снаряжения. Впрочем, вскоре он про молоток и думать забыл. Дело было так. Недалеко от палатки, метрах в пяти от берега на озере была небольшая промоина, из которой мы обычно брали воду. Лед по ее краям был довольно тонкий, и подходить к ней надо было с известной осторожностью, однако за дни, проведенные там, все уже давно к этому приноровились и воду из промоины зачерпывали без особых проблем. В конце концов, бдительность кое у кого притупилась, а зря! Это стало ясно после того, как в процессе приготовления ужина вызвавшийся сходить за водой Мальцев вернулся в палатку с двумя котелками воды, но при этом мокрый по пояс. Что, разумеется, сразу вызвало бурю самых положительных эмоций у остальных. Наспех переодетый в сухое пострадавший немедленно получил добрую дозу «Золотых куполов», а его насквозь помокшая амуниция заняла почетное место возле печки. Хорошо еще, что капроновые комбинезоны быстро сохнут!

Что же до самих «Золотых куполов», то их успели приговорить вовремя, хотя под конец кое-кто уже нервно посматривал на часы.

На завершающем этапе

Всё! Вот теперь уже точно всё! Отныне – никаких восхождений. Только гуляем, любимся окрестностями, фотографируемся, прикидываем потенциальные пути новых маршрутов. Мы славно поработали и славно отдохнем! Остается только придумать, чем занять себя до отъезда, назначенного на 30 марта (именно на этот день мы взяли обратные билеты).

Можете считать это пижонством, но на следующий день я снова пошел в баню, теперь уже – с Пол Абдулычем. К счастью, ехать в Апатиты на этот раз не потребовалось. Пар в бане был прекрасным, пиво холодным, настроение – вообще не поддавалось описанию; словом, удовольствия я получил на порядок больше, нежели накануне. Что уж тогда говорить о Паше, который за все время пребывания здесь еще ни разу в бане не был?

Зашли в универмаг, что на центральной площади Кировска. Приобрели по паре солнцезащитных очков-зеркалок с итальянским лейблом, по 31000 руб. (около шести долларов по тем временам). Темноваты, правда, оказались, а так – хорошие очки, стеклянные. Где-то они теперь? В книжном магазине видел отличный фотоальбом про Кольский полуостров. Большой такой, красивый... Не купил. Почему – объяснить сложно. Дело даже не в размерах или цене. Просто, как показывает практика, альбомы подобного рода приобретаются не столько с познавательной целью, сколько для того, чтобы сидя в кругу друзей тыкать в него пальцем, приговаривая: «А я тут был!» То есть как бы на память о местах, где действительно побывал. А где я был на Кольском? Почти нигде! Вот потому и не купил, о чем теперь жалею.

А на следующий день нам случилось принимать в своем лагере дорогого гостя – самого О. И. Шумилова собственной персоной. Сей ученый муж, являющийся по совместительству главой всех альпинистов Мурманской области, хотя и прибыл к нам на обычных беговых лыжах, но зато одет был в куртку из настоящего гортекса, что по тем временам было еще редкостью. Визитом столь высокого гостя мы были обязаны так называемым «Эскимосским играм», проводившимся в этот день неподалеку от нас. В глазах Олега Ивановича мы, безусловно, представляли интерес, как первые люди из другого региона, посетившие этот горный район с целью совершения восхождений после выхода в свет его книжки о Хибинах. Да и то обстоятельство, что именно у него Мальцев каждый раз испрашивал по телефону разрешение на очередное восхождение, а потом докладывался ему же об их результатах, вынуждало Шумилова, как нашего формального выпускающего, хотя бы разок самому побывать на месте событий, чтобы познакомиться с нами лично.

Об Олеге Ивановиче мы тогда узнали много нового, причем не столько о его альпинистских подвигах, сколько о его политических пристрастиях. Ученый-астрофизик, доктор наук, он ухитрялся вести свои работы на деньги американских империалистов, получая от них гранты на приличные суммы, но при этом продолжая люто ненавидеть Америку. Руководил группировкой патриотически настроенных молодых людей, о которых в местной прессе отзывались не иначе, как «штурмовики Шумилова». Словом, личность неординарная, хотя и не для всех удобная. Но вообще, после знакомства с ним моя, пошатнувшаяся было, вера в будущее страны несколько укрепилась.

Работы по демонтажу лагеря начались на следующее утро, сразу после завтрака. Собранные рюкзаки с личным имуществом были вынесены из палатки, печь – разобрана и упакована. Не обошлось без потерь. Так, собирая рюкзак, Мальцев почему-то нигде не мог обнаружить свой пресловутый порошок. Затем он «отличился» еще раз, нечаянно наступив на мою гитару, которая, жалобно захрустев, пустила по верхней деке длинную продольную трещину. Виножник инцидента долго рассыпался в извинениях, однако Мальцев не был бы Мальцевым, если бы на этом остановился. Не прошло и двух минут, как он, фигурально выражаясь, опять наступил на те же «грабли», после чего многострадальный инструмент стал годиться разве что на растопку. В ответ на такое потрясающее вероломство слов у меня уже не нашлось, одни междометия. Да и что тут можно сказать? Конечно, Сергей Леонидович – человек культурный, и даже знает, в чем разница между Приамом и Приапом, но вот под ноги смотреть иногда забывает...

Сворачиваем тент, убираем палатку. Все. После нас здесь останется только кольцевой бастион ветрозащитной стенки. Прстоит она тут еще месяц, отсилы – полтора, и растает, как не бывало. А мы так старались! Немного грустно покидать насиженное место, но чувствуется, что – пора.

Напомню, перетаскивание вещей сюда потребовало двух челночных рейсов. Отсюда предполагается утащить все за один раз. Предпосылки к этому есть. Практически полностью сожжен бензин для примусов, занимавший на пути сюда целые волокуши, съедены почти все запасы провизии. Кроме того, на память Хибинам был оставлен увесистый скальный молоток. Все вместе это существенно облегчает нашу поклажу. Распихиваем все, что можно, по рюкза-

кам, что не помещается – приторачиваем сбоку, укладываем на волокуши. Вроде бы, тащить можно. Ну, с богом! Наша тяжело нагруженная колонна выкатывается на занесенный снегом лед озера и начинает свой путь домой. Пересекая озеро, выбираемся на берег. В который уже раз идем мимо причудливых ледяных фигур. Прощайте, «голубые фонтаны»! Если мы сюда и вернемся, вы уже будете другими.

Наконец, выбираемся на дорогу, и не торопясь, с остановками, идем вверх, на перевал. На этом отрезке тащить волокуши выпадает мне. Это оказывается не так уж тяжело (скольжение у них вполне приличное), если бы не их склонность к переворачиванию на малейшем ухабе: груза на волокушах довольно много и центр тяжести сместился вверх. Но тут уж никуда не денешься. А дорога и впрямь была не слишком ровная.

Постепенно поднимаемся на перевал. Наверху устраиваем небольшой привал, в ходе которого обнаруживается, что зеленый капроновый комбез Мальцева, очевидно из-за напряженной работы, разошелся по шву на самом интересном месте. Само по себе это не смертельно, но мы все-таки приближаемся к цивилизованным местам, а выглядит все это как-то не очень прилично. Понятное дело, затевать штопку времени у нас нет. В качестве паллиатива рекомендуем Сергею Леонидовичу избавиться хотя бы от вызывающей бахромы, образовавшейся вокруг дырки. Помочь ему в этом деле вызвался Пол Абдулыч. Под общий гогот, он аккуратно оплавил спичкой края отверстия и хорошо еще, что рядом не было посторонних, которым бы пришлось объяснять, чем, собственно, здесь занимаются эти два веселых молодых человека!

Прощальный взгляд на долину Малого Вудъявра – и во весь опор вниз! С замиранием сердца жду сзади мощного рывка от перевернувшихся волокуш, но они на высокой скорости ведут себя, как разогнавшийся велосипед-устойчиво. По инерции вылетаем аж к Ботаническому саду, и только здесь возобновляется необходимость передвигать ногами.

Далее все было как обычно, за исключением того, что лыжи больше не прятались в подвале соседствующего с садом долгостроя. Выходим на шоссе, грузимся в рейсовый автобус – и вот мы уже на вокзале в Апатитах. Хмурое утро постепенно сменилось еще более хмурым днем, но времени до прибытия поезда Мурманск-Вологда оставалось еще порядочно. Поскольку город Апатиты использовался нами исключительно для транзитных перемещений и оставался практически не изученным, решаем использовать это время с пользой. Оставив Пашу караулить вещи, мы с Шурой и Сергеем Леонидовичем отправляемся за железную дорогу, в город. Теперь, перед посадкой на поезд, уже нет нужды заботиться о весе и компактности приобретаемых съестных припасов, и мы затариваемся в свое удовольствие. Чтобы ехать было веселее, я, не мудрствуя лукаво, нагружаю скальный рюкзачок Мальцева «Балтикой № 4» (под копченую скумбрию должна пойти на ура), и все теми же «Золотыми куполами». Шура, как натура более утонченная, положил глаз на десертное вино «Улыбка». Что ж, каждому – свое... Сам же город Апатиты, да простят меня его жители, показался мне после Кировска каким-то бесцветным. И навряд ли только по причине неважной погоды с мокрым снегом.

Ехали и впрямь весело, по мере необходимости пополняя запасы еды и пива на промежуточных станциях. Через сутки с небольшим, ближе к полуночи, наш поезд прибыл в Коношу, где нам надо было выходить для пересадки на поезд, идущий в сторону Воркуты. Ставив лыжи и рюкзаки с третьих полок, протискиваемся в тамбур и, наконец, выходим на перрон.

Народу на вокзале было немного, билеты на ближайший поезд до Ухты в кассе имеются, да и ждать того поезда всего час – пока везет! И вот, через час, когда пора уже было бежать на прибывающий поезд № 176 Москва-Воркута, я вдруг замечаю, что моему рюкзаку чего-то не хватает. Нет, сам рюкзак был на месте, и в полном комплекте, но... Кажется, перед выездом я приторочил к нему замечательный воронежский ледоруб? В Апатитах он точно был на месте, а теперь его нет! Черт, это действительно обидно. Это вам не какой-нибудь молоток! Но куда же он мог деться?

Лихорадочно шарю глазами по соседним скамейкам. Нет, здесь его нет, да и быть не может... Одно из двух. Или злополучное кайло само вывалилось в поезде из-за ослабших боковых ремешков рюкзака (что теоретически возможно, хотя и маловероятно), или ему приделал ноги один из наших случайных попутчиков. В любом случае, мне стоило лучше присматривать за вверенным имуществом! М-да, ситуация... С замиранием сердца ожидаю реакции номинального хозяина пропавшего инвентаря, но Мальцев относится к происшествию на удивление спокойно, великодушно принимает в качестве основной версию № 2 (кража) и больше на эту тему меня не беспокоит. И не беспокоит впоследствии ни-ко-гда! О, благородный Сергей Леонидович! Иногда я тебя почти люблю...

Вот так, несколько по-дурачки, началось для нас 1 апреля – последний день нашего путешествия. А в 8 часов вечера того же дня поезд прибыл в Ухту, и на этом все закончилось. Мы разбрелись, кто – по любимым, кто – по улицам, надели костюмы и приступили к выполнению трудовых обязанностей. Единственный «детный» среди нас на тот момент, Шура, продолжил воспитание недавно народившегося Владимира Александровича Туманова. Мальцев, со свойственной ему непоследовательностью, уже дома вновь обнаружил в своем рюкзаке вездесущее средство для чистки сортиров (до сих пор не знаю, что он с ним в конечном итоге сделал), чем был ужасно огорчен. Словом, все вернулось на круги своя.

Послесловие

В тот раз мы отсутствовали дома более пятнадцати суток, символический по-своему срок, только вот, несмотря на отдельные накладки, удовольствие мы от него все-таки получили. И удовольствие немаленькое, чего от души желаю и всем прочим, кого эта писанина может сподвигнуть пойти по нашим стопам.

С тех пор минуло больше шести лет. Все эти годы мы продолжали жить полнокровной жизнью: ходили в походы, женились, разводились, опять женились, меняли места жительства, по мере сил производили потомство и снова пытались ходить в походы – с той или иной степенью успеха. Многое успело стереться из памяти, но воспоминания о той поездке продолжают греть душу каждому из нашей славной четверки образца марта 1996 года. Мы здорово изменились. Мир вокруг нас тоже стал другим. И только горы, надеюсь, остались прежними... Хорошее место Хибины, уж вы мне поверьте! Иначе ничто на свете не заставило бы меня засесть за эти «мемуары». Да и неспроста же все запомнилось в таких подробностях, что на целую повесть хватило! Но все повести, даже самые длинные и занимательные, когда-нибудь кончаются. А больше мне и писать не о чем.

г. Ухта, апрель-ноябрь 2002 года

Полярный Урал (апрель-май 1998). Дневник похода в район горы Пайер¹²

Состав группы:

Некрасов П.А. – руководитель

Мачулин Л.В.

Рябов Ю.Ю.

Студенты УИИ¹³:

Истратов Толик

Сергеев Макс

Кирикова Лена

Неробелова Анна

27. IV Выежаем из Ухты поездом № 176, вагон 2 (отпр. 20 —). Все спокойно, поезд идет без опоздания. Я и Паша познакомились с одной симпатичной и умной девчонкой по имени Таня, из Печоры. На месте П.А., я бы за ней приударил.

28. IV Билеты у нас только до Сейды, поэтому, прибыв туда (около 10 —) из вагона вытряхиваемся и идем на вокзал. Погода неважная: снегопад, ветер, хотя и не холодно. Билеты до Елецкой взяли без проблем – еще по 17 р. с носа.

По привычке решил прогуляться в поселок – и не нашел его: по ту сторону ж/д одни занесенные снегом руины. Совхоз ликвидировали, жизнь в Сейде теплится только у железной дороги. Жалко, еще год назад все было по-другому...

Примерно в 12 – прибыл поезд Воркута-Лабытнанги, причем проезжая мимо во время маневров машинист весело сообщил, что поезд дальше никуда не пойдет. Через час стоянки до нас начало доходить, что это не было шуткой. Еще через пару часов поползли слухи, что дорогу на Лабытнанги замело и поезд вообще скорее всего оттащат на ночь обратно в Воркуту. На тепловозы, прорывающиеся с севера, страшно смотреть – все заснеженно-обледенелые. Шансов выйти сегодня из Елецкой уже не осталось. Будем ночевать на вокзале – вот только где?

Наконец, с опозданием на 5 часов, поезд отправляется. Минут 40 стоим на ст. Чум. Едем дальше – теперь очевидно, что в сторону Елецкой. И то слава Богу.

В Елецкую прибываем часов в 9 вечера. Размещаемся на вокзале, прямо на полу. Готовим ужин. Тетки-коммерсантки, ночующие там же, возмущаются запахом бензина. Подъем на завтра назначен на 4 утра. Допил пиво. Но сон не идет. Похоже, прогулка по Сеиде «душа нараспашку» не прошла мне даром. Замучил кашель. До утра так и не заснул. Вечером провели небольшую разведку, до реки так и не дошли. Видимость плохая.

29. IV Подъем в 4 часа утра, даже чуть позже. Завтракаем. Выходим со станции в 6 —. Погода отвратительная. Ветер с сильной поземкой, похоже, что и снегопад. Видимость метров 100. Идем вдоль тракторной дороги. Пересекаем р. Елец и углубляемся в тундру. Общее направление – юг. Цель – г. Пайер. Дорога отмечена вешками. Ходки по 45–50 мин., отдых 10–15 мин. В конце первой ходки натыкаемся на застрявший «Урал». В непродуваемой кабине девчонки надевают теплые штаны. Идем дальше. Скорость невысокая. Претензий к снаряжению серьезных нет. Вот только развязывается стропа на правой лыже. Заменяю ее ремешком

¹² Пайер – высочайшая гора Полярного Урала (1472 м, по некоторым сведениям 1499 м). «Дневник похода» означает, что это именно полевой дневник без какой-либо правки или литературной обработки. – прим. авт.

¹³ УИИ – аббревиатура Ухтинского индустриального института (ныне – УГТУ, Ухтинский государственный технический университет). – прим. авт.

из ремнабора. Ушки на моих креплениях слишком узкие, поэтому чтобы затащить в них ремешок, приходится орудовать пассатижами.

Уходим с дороги, курс – юго-восток. По-прежнему ни черта не видно впереди. Держимся плотной группой. Во-первых, из соображений безопасности, во-вторых, из-за сильной поземки: отстал на 100 м – изволь тропить заново, лыжню тут же заносит.

Постепенно видимость улучшается. Сквозь дымку виден диск солнца. Где-то после 11—предметы начинают отбрасывать тень.

Косой глубокий шрам, рассекающий Вудъяврчорр снизу доверху, называется Лавинным кулуаром. Небольшая зазубрина справа, словно кто-то тукнул по горам топориком – перевал Географов

Форма у этих замерзших фонтанов самая причудливая. Вот этот, словно павлиний хвост, распустился почти плоским трехметровым веером

У подножия Восточного цирка, располагающегося напротив озера. Его главная достопримечательность – Откол

Шура и Сергей на спуске из Лавинного кулуара

«Карат» в плане удобства пользования – далеко не сотовый телефон

Западный цирк предлагал симпатичный маршрут категории трудности 2А (выход из него показан флажком). Здесь подъем на гору предполагался по кулуару «Зигзаг» со средней крутизной 45 градусов и общим перепадом высот порядка 600 метров

Вблизи «Зигзаг» понравился мне еще больше – он был невыразимо, летящее грациозен...

Засыпанный снегом тур, обозначающий конец маршрута, удалось отыскать почти сразу

На следующий день нам случилось принимать дорогого гостя – самого О. И. Шумилова собственной персоной

Классических ледников в Хибинах нет, а есть вот такие ледяные стенки, образовавшиеся в результате замерзания водных потоков, стекающих со скальных обрывов

Сворачиваем тент, убираем палатку. Всё. После нас здесь останется только кольцевой бастион ветрозащитной стенки...

Был месяц май, погода стояла прекрасная, солнечная, всего чуть ниже нуля, и бело-снежные вершины красиво вырисовывались на фоне синего неба...

И было нас тогда, в разгар туристического сезона, всего двое на всё ущелье – я и Серёга Мальцев

А наутро, восхитительно чистенькие и свеженькие, мы буквально взлетели на Динозавр, пройдя траверсом обе его вершины

Скромное обаяние Полярного Урала

Выходим со станции Елецкая в 6 00. Погода отвратительная. Ветер с сильной поземкой, похоже, что и снегопад. Видимость метров 100

К обеду небо в основном ясное, только на юге дымка. Становятся видны горы

Растительность этих мест потрясающе скудна – огромная белая пустыня, каждый кустик наперечет

Сегодня главное – наконец-то выспаться

1 мая. Сегодня, в праздник, идем на Пайер. Маршрут движения – через перевал Хорота-Кечель

Доходим до перевала, на камнях переобуваемся и оставляем лыжи. Впереди – затяжной подъем на гребень

Поднявшись на гребень, стараемся держаться подветренной правой стороны

Где-то в начале верхней трети маршрута приходится навешивать перила для молодежи, на последний жандарм девчонок затаскивали на веревке

В целом для пацанов лазанье несложное: ледорубы отдали девчонкам, сами обходимся лыжными палками

Вершина Пайера

Ура! Мы сделали это!

Поднимается сильный ветер. Уходим вниз

Двигаться вниз легко и приятно, но девушки так не считают

Конкурс «Мисс Пайер-98»

Схема подъема на гору Пирамида-Из

Лев Мачулин

Усталость

Март 1999 года, Приполярный Урал, перевал Кар Карпинского. Увы, изредка случается в походах и такое...

Ребята из Пермской области подвернулись как нельзя более кстати

2000 год. Базовый лагерь в верхней части ущелья Нырдовоменюр

Традиционные туристские песни принципиально не исполнялись, однако недовольных, похоже, не было

К обеду небо в основном ясное, только на юге дымка. Становятся видны горы. Макс, уже ходивший к Пайеру, указывает на него: гора имеет характерный длинный гребень. Идти по азимуту больше нет необходимости, идем на Пайер.

Обедаем под сенью довольно большого деревца в долине ручья (самого ручья не видно, очень много снега). Вообще, растительность этих мест потрясающе скудна: огромная белая пустыня, каждый кустик наперечет. Поэтому сидеть и обедать под деревцем даже из-за этого приятно. После обеда Аня находит рога и череп дикого оленя. Рога тащит Толик.

На ночевку остановились вблизи притока Хороты в «рощице» чахлой лиственницы (около 18 —). Пройдено примерно 25 км.

О еде: на завтрак обычно варится каша; обед: сало, колбаса, шоколад, сухари и горячий чай из 2 л термоса, который таскает Юра. Должно быть, он ждет обеда с особенным нетерпением, т. к. после его рюкзак сразу легчает на 2 кг, что немаловажно. На ужин варится суп из пакетов с макаронами и тушенкой.

Вода топится из снега. Вообще, это серьезное неудобство. На маршруте иногда очень хочется пить. В таких случаях неплохо помогает курага на перекус я что-нибудь кисленькое (напр., витаминки). А так воды с обеда до ужина нет ни капли.

Поставили палатку на утоптанном участке склона, со стороны преобладающего ветра соорудили снежную стенку. Небо ясное, довольно холодно и неуютно. Готовить решаем прямо в палатке. Несмотря на два примуса (один из которых барахлит-травит клапан), поднять температуру хотя бы до 0 °С не удастся. По-прежнему донимает кашель, судя по всему, это — бронхит. Миндалины не болят, глотать не больно. Надеваю на себя все, что только можно и залезаю в спальник. Место с краю, от стенки тянет холодом. Лежу с закрытыми глазами. Мерзнут йоги. Еще одна ночь без сна. Остальные пока молодцом. Девчонке не пишат. Рюкзаки у них, правда, полегче, но все же...

В 12 ночи выхожу проветриться. После таких вылазок в палатке не какое-то время кажется совсем тепло. А на улице за 3 минуты голая рука замерзает на ветру почти до полной потери чувствительности.

30. IV Встали довольно поздно. Вытряхнуть народ из спальников раньше не было возможности, даже Паша на проявлял активности. Выходим в 8 часов. Ясно. Видимость отличная. Градусов 20 мороза. Ветер западный (вчера преобладал восточный). Через 2 часа входим в ущелье р. Хорота, двигаемся вверх. Обедаем в 12 часов, спрятавшись от ветра в естественной яме у правой стены ущелья.

Решаем в ближайших окрестностях найти подходящее местечко для лагеря и остановиться. Мы уже подошли к горе достаточно близко, чтобы с этой позиции начать завтра восхождение.

Место подыскали буквально в часе ходьбы. К этому времени стало довольно тепло (хотя и ниже 0 °С), главным образом потому, что стих ветер. Провели небольшую рекогносцировку, осмотрели окрестности.

В палатке, освещаемой солнцем, довольно тепло. Высота -550 м над уровнем моря. Уютно. Сегодня главное – наконец-то выспаться. Период острой адаптации закончился, люди бодрые. Только бы погода простояла хотя бы дня три!

Сегодня мы с Пашей поменялись спальниками (на одну ночь). Совсем другое дело! Надо будет купить себе пуховый, а то с синтепоном на морозе можно дуба дать.

1. V Сегодня, в праздник, идем на Пайер. Беру в рюкзак веревку, систему с карабинами, кошки. Идти с легким рюкзаком приятно. Погода благоприятная: около -15 °С, солнечно. Надеваю темные очки. Маршрут движения – через перевал Хорота-Кечпель, на гребень. Поднимаемся на лыжах. Траверсируем фирновый склон с подъемом на перевал. Видны следы кошек-туда и обратно – кто-то ходил тут до нас. Правильно, по такому склону только в кошках ходить, но удобной площадки для переобувания нет. Наконец, доходим до перевала, на камнях переобуваемся и оставляем лыжи. Впереди – затяжной подъем на гребень. Время – около 10 ч. Ветер дует слева. Поднявшись на гребень, стараемся держаться подветренной стороны (правой) – там ветер местами вообще не ощущается. Гребень довольно острый, местами не шире полуметра, если идти прямо по нему, порывы холодного ветра довольно чувствительны. Где-то в начале верхней трети маршрута приходится навешивать перила для молодежи, на последний жандарм девчонок затаскивали на веревке. В целом для меня лазанье несложное: ледорубы отдали девчонкам, сами обходимся лыжными палками. Пока мы возимся с девочками, Паша и Толик рванули наверх. Потом туда же направляюсь я. На вершину вышел приблизительно в 13 часов. Фотографируемся. Подходят остальные. Запускаем зеленую ракету (в честь успешного восхождения) и красную (в честь праздника). Надолго на вершине не задерживаемся. Оставляем записку с фамилиями в резиновом шарике. Поднимается сильный ветер. Уходим вниз. Примерно через час достигаем места обеда, присмотренное еще на пути наверх. Исключительно уютное местечко – каменная ниша со «столиком», удобные камни рядом, солнце, отсутствие ветра. Прилег отдохнуть на столик. Минут через 15 спускаются отстающие. Обедаем. Все довольны. Продолжаем спуск. Двигаться вниз легко и приятно, но девушки так не считают. Они начинают отчаянно бояться, идут очень медленно, так что темп спуска даже ниже, чем на подъеме. Лену ведет за ручку Юра, Аню ведем на веревке мы с Пашей. Наконец, гребень пройден, сворачиваем веревку и прячем ее в рюкзак. Паша и я сваливаем вниз по склону. Толик и Макс, уже давно внизу. А девчонки, подгоняемые Юрой, продолжают спуск крайне неторопливо. Ждать их неохота, теперь с ними ничего не случится. Дохожу до оставленных на перевале лыж когда уже начинает смеркаться. Удивляюсь, как все-таки высоко мы ухитрились их затащить. Лыжи пока не надеваю, иду на кошках, лыжи держу в руках. Съезжать вниз по лишенному снега фирновому склону пока еще рискованно. Спуск на лыжах начинаю только дойдя до снега. Паша надевает лыжи значительно выше. Один раз лыжи зарываются в снег,

падаю. Обычное дело. По набитой лыжне быстро добираюсь до палатки. Время – восьмой час вечера Юра с девочками подходят чуть ли не через полчаса.

Итоги: Макс получил легкий ожог глаз (жаловался еще на вершине), у Юры и Ани, похоже, тоже проблемы с глазами, кто-то из ребят потерял на гребне очки (нашли на спуске), позже потеряны еще одни очки, у меня из кармана жилетки выпал фотоаппарат (догадываюсь, что во время падения); словом, усеяли склоны инвентарем.

Паша настроен завтра идти на вершину г. Пирамида-Из (1260 м), прозванной так мной за то, что на подходах, высовываясь из-за холма своей вершиной, она очень походила на усеченную пирамиду. Я, в принципе, готов составить ему компанию, но после того, как найду фотоаппарат. Маршрут с подъемом по 1 контрфорсу восточного ребра из цирковой зоны представляется вполне логичным. Наверху можно сделать траверс и спуститься по западному гребню.

За ужином Паша откупоривает заветную фляжку за восхождение и 1 мая. Еще раньше надули шарики – каждому по шарiku с именами. Настроение хорошее. Программа-минимум уже выполнена. Спать ложусь в своем спальнике, но в середине, между девочками.

2. V Плановая дневка. Каждый делает, что хочет. С утра припекает солнце. Паша заявляет, что на Пирамиду пойдет завтра, т. к. на солнце сегодня камни могут быть «кислые». Я ухожу по вчерашним следам искать фотоаппарат. При свете дня нахожу массу следов от падения на склоне. В одном из них нахожу очки, в другом – фотоаппарат. Порядочек. За мной движется на помощь в поисках Толик, но ему тут уже делать нечего. Скатываемся по долине Хороты к палатке. Вижудвигающиеся к цирку Пирамиды две фигуры. Так, значит Паша с Юрой рванули-таки на гору. Немного обидно, могли бы и подождать полчаса. Но ничего, во-первых, в запасе есть еще завтрашний день, а во-вторых внизу сегодня очень даже приятно. Девчонки разложили «пенки» на улице и загорают чуть ли не в неглиже. Температура чуть ниже 0 °С, но без ветра, и на солнышке очень хорошо. Присоединяюсь, грею спину. Макс сидит в палатке, нахватался «зайчиков», теперь прячется отсвета.

Ближе к вечеру возвращаются Паша с Юрой. Сделали-таки свой траверс. Молодцы, конечно, но глаза у Юры никакие. На свет смотреть совсем не может: ожог роговицы. Нахлобучил на глаза шапку, сверху темные очки. От нечего делать поет под гитару. Вообще-то сегодня его очередь дежурить, но об этом и речи быть не может. Ужин готовим мы с Леной. У нее, кстати, на щеке проступили темные пятна – обморозилась. М-да, не группа, а ИНЖАЛЫД ЦОММАНД¹⁴ какая-то. У Толика вокруг рта высыпал герпес. Несмотря на анти-УФ крем, морды лица в разной степени горят у всех (на улице это, впрочем, не ощущается). Спать ложусь в той же позиции, что и накануне, как всегда напаялив все, что есть. И ведь не жарко!

3. V Вторая дневка. Погода похуже, чем вчера. Верхняя часть горы закрыта облаками. Паша делать траверс категорически не советует. Ладно, ограничимся подъемом на вершину.

С утра в палатке, особенно после работы обоих примусов на завтрак (варю гречку) прямо-таки жарко. Раздеваемся до пояса.

Выходим с Толиком на гору примерно в 10 —. У начала подъема на контрфорс оставляем лыжи, по привычке надеваем кошки и идем на них, но быстро прячем их обратно: подъем либо по камням, либо по довольно глубокому снегу, кошки тут ни к чему. Ледорубы не берем, обходимся палками. Не всегда удобно, но приемлемо. Следы вчерашнего подъема сохранились хорошо, стараемся придерживаться их. По мере набора высоты видимость ухудшается, уходим в облака. Темп неплохой. От места оставления лыж (11 —) обещал Толику не позже, чем через 1,5 часа быть на вершине. Возможно, что и уложимся. Около 12 – выходим на гребень. Подъем здесь более пологий, но и погода похуже. По следам видим, что Паша с Юрой вчера здесь шли

¹⁴ Сей заковыристый термин, в лексиконе моего окружения означающий «инвалидную команду», проистекает от чокнутого принтера выпуска конца 1980-х, причудливо транслитерировавшего сообщение «INVALID COMMAND» нашего кафедрального компьютера. Фраза, что называется, вошла в анналы. – *прим. авт.*

уже в кошках, мы пока обходимся без них. Минут через 20 движения по гребню видим впереди последний вершинный взлет. Надеваем кошки. В 13 – достигаем вершины. К сожалению, из-за облачности полюбоваться видами не удастся. Зато нашли тур (вчера его не обнаружили), правда, пустой. На клочке туалетной бумаги пишу записку, завязываю в пакет из-под молока и закладываю в тур. Фотографируемся, но, как выяснилось позже, без толку – пленку заело.

Спускаемся по пути подъема. Как всегда, внутренне удивляюсь изрядной продолжительности спуска – такое ощущение, что подъем был короче. Доходим до лыж и быстро скальваемся вниз. На подходе к палатке встречаем Пашу: позаимствовал у Юры «ски-туровские» лыжи с ботинками (они ему, слепому, сейчас без надобности) и катается по склонам. Даже трамплин соорудил. Но меня больше интересует обед.

Толик (творческая натура) занялся вырезанием на снежной стенке барельефных надписей – имен участников похода. Получается красиво. Дальше – больше: изготовил из снега большие буквы ПАЙЕРи расставил на стенке. Вид-изумительный. К сожалению, нет фотографий по причине барахла фотоаппаратуры.

К вечеру глаза Юры почти приходят в норму, так что ужин готовит он сам. Завтра уходить назад. Погода начинает ухудшаться.

4. V Да, погода определенно испортилась. Видимость упала до 200 м, снег, ветер. Сворачиваем лагерь (после завтрака), выходим в 7 —. Чтобы назавтра без проблем дойти до станции, сегодня надо пройти хотя бы 20 км и остановиться в долине какой-нибудь речки в относительно безветренном месте. Довольно быстро, сбросив порядка 150 м высоты, выбираемся из ущелья Хороты, далее идем в «молоке» по азимуту. Ходки по 50 минут, скорость довольно высокая, хотя свежий снег затрудняет движение из-за необходимости тропежки.

Паша задал направление по компасу 300°, затем 285°. С моей точки зрения, слишком забирает на запад. Проверить правильность движения невозможно – ни черта не видно.

Обедаем чуть позже обычного (около 13 —). Вскоре после обеда градусы в 30 правее по курсу замечаем геодезический знак. Выглядит как пирамидка из палочек высотой в полметра с расстояния 200 м. В действительности оказался шестиметровой триангуляционной вышкой и идти до него было будь здоров. Движемся в гору на него-хоть какой ориентир-довольно долго. Где-то в 14 – подходим, наконец. Судя по всему, это высота 348 м, других господствующих высот в этом районе вроде бы нет. Так или не так, неизвестно, одно радует-теперь дорога пойдет в основном под гору. Начавшийся на южном склоне подлип, после того, как свалили от знака на север, прекратился, причем как-то сразу. Большое облегчение. Да и погода улучшается. За спиной и справа встают горы. Просматривается Пайер. Не так уж далеко мы от них и отошли, впрочем, километров 20 уже, наверное, сделали. Теперь задача – выйти в долину какой-нибудь речки – Бадьявож, Воргашор или еще какой – но они из-за огромного количества снега настолько слабо выражены, что мы их, похоже, просто проскакиваем. Продолжаем идти по азимуту. Наконец, поднявшись на очередной плоский пригорок, замечаем череду вешек в дорогу, идущую перпендикулярно нам в направлении «север-юг» (магн.). Время 16 —. Я предлагаю не мудрить и двигаться по дороге на север, прямо до ж/д, сколько бы ни пришлось идти. П.А. выражает сомнения, что эта дорога идет на Елецкую, слишком под тупым (практически прямым) углом мы ее пересекли. Считает, что она выходит либо на ст. Хорота, либо на п. Береговая. Высказывается даже крамольная мысль продолжать движение по азимуту. Я категорически против. В 17 – начинаем движение по дороге на север. По нашим прикидкам, до ж/д не должно быть больше 12 км. Это значит, появился реальный шанс выйти из-под Пайера на железку за 1 сутки: своеобразный рекорд.

Горы видны не под тем углом, что мы видели их, когда шли туда. Совершенно очевидно, что мы здорово отклонились на запад (спасибо П.А.!), потеряв на этом километров 5. В таком случае, путь может оказаться дольше, чем мы рассчитывали.

Около 18 – увидели едущих навстречу на «Буране» двух ненцев. Кое-что прояснилось (но, как выяснилось потом, не все): дорога идет на Елецкую (ну, это можно было предполагать, что в этих местах на всю округу одна-единственная дорога), а идти нам до нее часа 2, а быстрым шагом – и вовсе полтора. П.А. настроен к этим заверениям скептически – два не два, а часа четыре идти придется. Поднимаемся на очередной подъем, испытывая с П. А. смесь радости и разочарования. Елецкая видна, но до нее так далеко, что даже домов не разобрать. Кстати сказать, кроме нас с П.А. поселок с этой точки так никто и не разглядел. Толик с Максом ушли далеко вперед по дороге, остальные режут путь по буранному следу, стараясь держаться поближе. Известие, что до станции топтать еще 10–15 км повергает девчонок в уныние. Однако разбивать лагерь уже не хочется, хотя все уже устали. Перспектива заночевать на теплом вокзале придает силы. На предыдущем взгорке поселок просматривается уже очень хорошо. Что бы ни случилось, теперь уже дойдем. Однако подвернулся лучший вариант. Слышится отчетливый шум мотора. Затем он стихает. Что это? Поезд со станции или тягач с дороги? Ждем. Шум возобновляется. Наконец, показывается движущийся с пригорка в сторону станции вездеход. Махаем ему. Останавливается. Нас устроило бы отправить на станцию только девчонок с рюкзаками, но ребята (едут в Воркуту) согласны взять всех. Девчат берут в кабину, мы лезем наверх. Проехали 3–4 км, подобрали Толика и Макса. Время – девятый час вечера, смеркается. Еще через 3–4 км вездеход подъезжает к станции. Все. Беспримерный переход успешно завершен. В этот день мы только пешком протопали под рюкзачками не менее 35 км. Бедные девчонки!

Магазины уже закрыты. Но – слухом земля полнится – находим с П.А. парня, занимающегося торговлей прямо «на дому». Так что к ужину у нас кое-что было. Разместились на вокзале. На ноге Ленки Кириковой здоровый волдырь, и она его сдуру вскрыла. Оказываю ей помощь (протер спиртом, наложил бактерицидный пластырь). Ходит все равно с трудом, дурочка.

В зале ожидания очень чисто, ходим босиком. Раскладываем на пол пленку, сверху спальные. Тепло. Засыпаем с чувством выполненного долга. Поезд завтра только в 14 —, можно будет поспать подольше.

5. V С утра прогулялись по поселку. Тепло, солнечно. Скинулись по 10 рублей, затарились хлебом, консервами и т. д. на поезд. Билеты купили в прямые вагоны (16 и 19) прямо до Ухты – значит, в Сейде можно не дергаться.

Поезд отправился с небольшим опозданием. Не страшно – все равно в Сейде стоять 2 часа. Прекрасно видны горы – и Пайер, и Пирамида. Не верится, что до них по прямой чуть ли не 40 км.

В Сейде пообщались с ненцами-кочевниками – узнали много интересного об оленеводстве. Гуляем в одних рубашках – тепло. Ужинаем в нашем вагоне (N219).

6. V Около 10 – прибытие в Ухту. Утром почистил зубы, умылся. Все равно видик – тот еще. Надеюсь, что домашние все-таки меня узнают.

Май 1998 г.

Далее последует нечто более печальное. Но из песни, как говорится, слова не выкинешь...

Записки тяжелораненого

20.03.99. Утро. Старая пресса в основном перечитана, стало быть, можно и самому чего-нибудь черкануть. На завтрак была пшенка – как в походе. Так что привыкать особенно к больничной кормежке не приходится.

Возможно, стоило как-то упросить врачей дать возможность доехать до Ухты и госпитализироваться в родной Сангородок, но теперь, со спицей в колене на растяжке – это уже вряд ли удастся. Оперировать будут, видимо, все же в Печоре.

За 3 дня немного привык к положению инвалида, хотя быть таковым в походе и в больнице – это, оказывается, разные вещи. Там я надеялся, что это всё же вывих, той надеждой и жил. Теперь я знаю всю горькую правду. Зато там, по большому счету, не было никакой гарантии, что я вообще выберусь оттуда живым. Ведь, строго говоря, затащить меня на перевал силами только нашей группы вряд ли удалось бы. Кроме того, надо было еще спустить меня на ту сторону и протащить несколько километров до балка. При этом всё проделать без причинения дополнительных телесных повреждений (типа опрокидывания волокуш, обрывов веревок и т. п.). В условиях тенденции к ухудшению погоды это было бы практически невозможно. Вертолету же на той стороне перевала сесть было некуда, да и не надеялись мы ни на какой вертолет. Так что ребята из Пермской области подвернулись нам как нельзя более кстати.

Было ли больно? В общем, не очень. Как похвалялась после родов моя самая любимая на свете жена (вот что меня по-настоящему добивает – что Натальи моей рядышком нет!), зубы лечить – и то больнее. Хотя, чего уж там, две ночи практически провел без сна – трудно подобрать позу, а обезболивающих препаратов, кроме анальгина, не было, да и тот я есть не стал – чувствовал, что не поможет, не тот случай. Водку тоже не употреблял – с неё и так-то можно опрокинуться, а уж в моем-то одноногом положении в случае похода, скажем, на шхельду¹⁵

¹⁵ Отхожее место на альпинистском жаргоне. – прим. авт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.